

Шэрон Кендрик
Королевская любовь

Серия: Братья-принцы из Мардивино – 3

OCR: Hama; Spellcheck: Goton

*«Королевская любовь»:
Радуга; Москва; 2007; ISBN 978-5-05-006650-3
Перевод: Н. Сумарокова*

Аннотация

Красивый, сильный и невероятно сексуальный, Джанферро был воплощением девичьих грез Миллисенты де Вер. Он пробудил в ее душе неведомые до того чувства. Вскоре они сыграли пышную свадьбу. Но в глубине души юная королева сознает, что лишена самого главного – ответной любви мужа...

Шэрон Кендрик Королевская любовь

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Джанферро всегда умел выбирать любовниц.

Он предпочитал женщин красивых, умных и способных хранить тайну. С тех пор как юноше исполнилось семнадцать, ему не составляло труда найти претендентку, стремящуюся занять это неофициальное, но весьма почетное место. Ничего удивительного: даже если очередная красавица могла остаться равнодушной к пылающему взгляду темных глаз на утонченном, слегка высокомерном лице, то ни одна из них была не в силах отказаться от возможности стать возлюбленной самого принца.

Особенно если этот принц должен в один прекрасный день стать королем Мардивино – прекрасного острова в Средиземном море, которым его род управлял с тринадцатого века. Наследнику престола принадлежали дворцы и самолеты, спортивные машины и целый табун первоклассных скаковых лошадей. В руках Джанферро были сосредоточены сказочные богатства – так можно ли винить женщин, которые мечтали всего лишь ощутить нежное прикосновение этих рук на своем теле?

Но сейчас принц находился в поиске. Будущему королю Мардивино предстояло сделать выбор, и эта необходимость пугала его. Но больше медлить с решением было невозможно. Джанферро должен был найти не любовницу, а невесту.

И он не имел права на ошибку.

Главная опасность заключалась в том, что два его брата уже женились и завели детей. И теперь оставался единственный способ сохранить корону Мардивино за своими потомками – жениться самому.

Принц оглядел спальню, выдержанную в традиционном английском стиле, и на сердце у него стало тяжело. Он дорого бы дал, чтобы оказаться сейчас в собственном Радужном Дворце, а не в этом доме, где даже стены казались чужими и враждебными.

В огромные витражные окна были вставлены ромбовидные стекла в деревянном обрамлении. Солнечный свет, проходя через них, многократно преломлялся, создавая ощущение воздушности и в то же время напоминая... птичью клетку. Губы принца сложились в ироническую усмешку при мысли о том, что из этой клетки ему уже не вылететь обратно на волю.

В «Каюс-Холле», великолепном старинном особняке шестнадцатого века, где Джанферро гостил со вчерашнего дня, жили сестры де Вер со своей матерью. Старшая из дочерей, леди Лусинда де Вер, а для друзей просто Лулу, была воплощением тех качеств, которые необходимы невесте принца. Она не уступала будущему мужу в знатности происхождения, к тому же славилась красотой и чудесными белокурыми волосами.

Когда-то давно отцы этих двух благородных семейств учились вместе в университете и сохранили дружеские отношения после его окончания. Правда, со временем встречи бывших одноклассников становились все реже и мимолетнее. Как-то раз Джанферро провел в имении каникулы, но тогда сестры были еще маленькими, младшая – так совсем ребенком.

А в прошлом году принц увидел Лусинду де Вер на матче по поло. Разумеется, встреча не была случайной – ее устроил один приятель, считая, что принцу давно пора познакомиться с кем-нибудь «подходящим».

Почти сразу же Джанферро занял оборонительную позицию, хотя и сам не смог бы объяснить почему – девушка была уверенной в себе и умела производить впечатление.

– Мне кажется, мы с вами где-то встречались? – произнесла красавица, протягивая руку для поцелуя. – Вы, случайно, не останавливались у нас в доме много лет назад?

– Это было очень давно, – нахмурился он. – Если не ошибаюсь, вы носили тогда косички с бантиками.

– Ах, как это неловко с вашей стороны – вспоминать такие детали.

Однако та давняя встреча служила своего рода гарантией. Всегда лучше иметь дело с женщиной своего круга, а не с незнакомкой, от которой неизвестно чего ожидать.

Молодые люди встречались несколько раз на званых обедах, организованных – Джанферро

в этом нисколько не сомневался – специально в их честь. Иногда принцу начинало казаться, что, пожелай он луну с небес на блюдечке с голубой каемочкой, и команда астронавтов с Мардивино немедленно отправится исполнять поручение.

Разумеется, к беседам принца и его невесты прислушивались все гости, делая вид, будто заняты собственным разговором. Молодые люди быстро нашли общий язык: ему нужна была жена, которая произведет на свет наследника, а ей очень хотелось стать принцессой, ведь об этом мечтает практически любая юная аристократка Великобритании.

И вот сегодня после ужина принц должен был официально объявить о своей помолвке. И тогда пути назад уже не будет. В Англии и Мардивино завертятся шестеренки сложных механизмов по подготовке свадьбы наследника престола. Иными словами, через пару часов он навсегда потеряет свободу.

На долю секунды губы Джанферро сложились в ироничную улыбку. Свобода! Кронпринцы могут обладать привлекательной внешностью, несметными богатствами и властью, но свобода, которую большинство мужчин воспринимают как нечто само собой разумеющееся, – этот дар природы заказан для них навсегда.

Молодой человек бросил взгляд на часы. До ужина оставалось не меньше часа, и он почувствовал смутную тревогу. Вниз спускаться не хотелось – придется опять вести пустые светские беседы, которые стали неотъемлемой частью жизни принца.

Джанферро выскользнул из своей комнаты и, стараясь ступать неслышно, направился по длинному гулкому коридору. Оказавшись наконец на свежем воздухе, он с наслаждением вдохнул восхитительные ароматы английской весны, чувствуя себя утопленником, которому едва удалось всплыть на поверхность.

Белые и желтые нарциссы грациозно покачивали своими изящными коронами. Деревья, усыпанные белыми и розовыми цветами, напоминали палочки с сахарной ватой.

Выбрав самую неприметную тропинку, принц направился подальше от расчерченных и подстриженных садов – в поля и луга, также являвшиеся частью этого огромного имения.

Вдалеке послышался приглушенный топот конских копыт, стремительно приближавшийся к нему.

Великолепный пегий конь с белой гривой стрелой неся по полю. Джанферро отказывался верить своим глазам – похоже, всадник собирался перескочить через полосу высокого кустарника.

Принц затаил дыхание. Слишком высоко. Слишком безрассудно. Слишком...

И вдруг всадник пришпорил коня. Сильное животное взмыло ввысь. Казалось, на мгновение сила земного притяжения перестала действовать, и человек парит в воздухе на своем пегом скакуне. Лошадь легко взяла препятствие, едва коснувшись ногами ветвей кустарника. Джанферро выдохнул с облегчением. Это было так красиво, смело, безрассудно и...

Глупо!

Принц и сам был опытным наездником и вполне мог бы стать профессионалом, если бы только ему повезло родиться обыкновенным человеком.

Сам того не замечая, он шел по направлению к конюшне по тропинке, на которой были видны свежие следы лошадиных копыт. Нужно объяснить этому мальчишке, что есть большая разница между смелостью и безрассудством.

В конюшне слышался лошадиный храп и звук человеческого голоса.

Это был голос женщины – нежный и прекрасный, как звон серебряного колокольчика.

– Ах, умница, – бормотала она. – Ты мой красавец!

Джанферро замер на месте. Как мог отчаянный всадник на пегом скакуне оказаться женщиной?

Пользуясь привилегией аристократов делать то, что им заблагорассудится, принц решительным шагом направился к стойлу. Так и есть, спиной к нему стояла девушка, стройная как тростинка, и кормила своего четвероногого друга мятными лепешками.

– Ты в своем уме? – возмущенно крикнул молодой человек.

Милли обернулась – и ее бросило в жар, потом в холод, от волнения перехватило дыхание.

Разумеется, девушка сразу поняла, кто перед ней находится. Родные часто упрекали Миллисенту в том, что она витает в облаках, но не знать, что в доме гостит принц, было просто невозможно. Особенно если твоя старшая сестра Лулу собирается за него замуж. В «Каюс-Холле»

было не пройти от вооруженных охранников и телохранителей.

Что касается самой юной леди де Вер, то вчера ей удалось уклониться от встречи с принцем за ужином, сославшись на головную боль. На самом деле ей просто не хотелось смотреть, как все стремятся угодить высокому гостю, а сестра пытается представить себя в самом выгодном свете, словно дорогостоящий лот перед богатым покупателем на аукционе.

И все же Милли не удалось избежать встречи.

Джанферро оказался совсем не таким, каким она его себе представляла. Он был сильным и мускулистым, как конюх, а его черные волосы блестели, словно начищенные сапоги для верховой езды. Бархатные темно-карие глаза красавца сверкали гневом.

– Ты что, не слышала меня? – рявкнул он. – Я спрашивал, все ли у тебя в порядке с головой.

– Я слышала вас.

Девушка говорила так тихо, что принцу пришлось напрячь слух, чтобы разобрать ее ответ.

Она вся вспотела, тонкая рубашка прилипла к телу, обозначив маленькие упругие груди. Неожиданно для себя принц почувствовал прилив возбуждения. К тому же он не мог понять, почему в ее голосе нет ни капли почтения. Неужели глупышка не знает, кто перед ней?

Он заглянул в огромные глаза девушки – такие же синие, как цветы, росшие вокруг деревьев. Щеки незнакомки разругались от быстрой езды. Принц никогда не встречал красавиц с такой нежной чистой кожей, сиявшей изнутри безо всякой косметики. Ему вдруг стало интересно, какого цвета волосы, скрытые маленьким шлемом наездницы.

– Ты прекрасно держишься в седле, – заметил он и сделал шаг вперед.

Миллисента еле удержалась, чтобы не отступить назад. От близости этого красавца у нее начинала кружиться голова, а тело становилось как будто невесомым. В рассказах Лулу «принц» был всего лишь титулом: «мой принц» называла его сестра, забыв предупредить, насколько встреча с ним может оказаться опасной для молодой девушки. Самоуверенная вальяжность в сочетании с внешностью настоящего мачо – все это заставляло сердце Милли бешено стучать в груди.

– Спасибо.

– Правда, того, кто научил тебя так рисковать, следовало бы пристрелить на месте, – мрачно добавил собеседник.

Девушка удивленно взглянула на него.

– Прошу прощения?

– Если будешь продолжать в том же духе, непременно сломаешь себе шею, – пояснил он без обиняков. – Брать такие препятствия – чистое безумие.

– Но ведь у меня получилось! К тому же между лошадью и кустом оставалось расстояние.

– В один прекрасный день расчет может подвести тебя.

– Ой, ну нельзя же всю жизнь думать только об этом! – легкомысленно возразила Милли. – Иначе лучше сразу завернуться в три одеяла и дрожать над каждым своим шагом. Осторожность – это не жизнь, а скучное существование.

Искренность ее слов и то, с каким чувством они были произнесены, навели принца на грустные размышления. Еще совсем недавно он думал точно так же.

– Ты говоришь это, потому что еще очень молода, – ответил Джанферро с грустью в голосе.

– Ну да, а вы – такой мудрый старик! – лукаво сощурилась она.

Джанферро замер с застывшей на губах улыбкой. Ему показалось, что в спертом воздухе конюшни стремительно пронеслось нечто неосоздаемое и обдало его жаром, словно языки пламени внезапно вспыхнувшего костра.

Молодые люди молча смотрели в глаза друг другу, не в силах отвести взгляд. Ими овладела какая-то необъяснимая слабость. Милли была отчаянно смела в седле, но теперь у нее подкашивались ноги от страха, а по спине бежал холодный пот.

– Мне нужно тут еще кое-что закончить, – пробормотала она, не глядя на Джанферро.

– Кто ты? – спросил он вдруг. – Ты помогаешь здесь конюхам?

Внутренний голос подсказывал, что правдивый ответ может только повредить. Если принц решит, что девушка просто служит на конюшне, то не станет продолжать разговор и уберется восвояси. А она будет в безопасности, вдали от этого человека с невероятно притягательным

взглядом темных бархатных глаз и блестящей оливковой кожей, которая, казалось, излучает сексуальную энергию.

– Да, помогаю, – солгала Милли.

В глазах принца появился холодный жесткий блеск – таким взглядом, наверное, смотрит приговоренный, когда ему приносят завтрак в утро перед казнью. Нежные розовые губки девушки были слегка приоткрыты, на них блуждала легкая улыбка. Джанферро вдруг до боли захотелось прильнуть к ее губам страстным прощальным поцелуем, каким он никогда еще не целовал ни одну женщину.

Милли почувствовала его состояние, хотя раньше никогда не имела дела с мужчинами. Это влечение, которое принц теперь испытывал к ней, должно было быть направлено на сестру Лулу. Что, если Джанферро окажется из тех людей, которые способны взять назад данное женщине обещание и не склонны хранить верность? Одним из примеров служил ее собственный отец.

Но для Лусинды это не проблема – она и не с такими справлялась. Сестра умела приручать представителей противоположного пола и заставлять их выполнять любые свои прихоти. Но Милли уже поняла, что принц отличается от других. И дело здесь не только в титуле. Просто...

Девушка судорожно сглотнула.

Джанферро выглядел воплощением девичьих грез: красивый, сильный и фантастически сексуальный. Вокруг него постоянно будут виться женщины, словно мотыльки вокруг пламени свечи. В душе Миллисенты царил невероятное волнение, в какой-то момент она даже позавидовала старшей сестре.

– Я... мне пора идти, – прошептала Милли, запинаясь.

– Да, да, ступай, маленькая девочка, – мягко проговорил принц.

– Но мне уже девятнадцать! – обиженно возразила она.

– Тем более не стоит здесь задерживаться, – ответил он с затаенной грустью в голосе.

Миллисента еще раз посмотрела в темно-карие глаза, сияющие загадочным блеском, и со всех ног бросилась вон из конюшни, как будто за ней гнались. Еще недавно светило теплое весеннее солнце, а теперь небо затянули тучи, и дождь лил как из ведра. Холодные капли слегка остудили пылающие щеки девушки, пока она добежала до дома.

В просторном холле Милли прислонилась к стене, тяжело дыша. Несмотря на то что она была мокрая насквозь, во рту пересохло, а сердце билось так сильно, словно хотело вырваться из груди. Неожиданная встреча с Джанферро пробудила в душе неведомые до того чувства, словно она в один миг переродилась в совершенно другого человека.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Милли, ты опять опоздала! – воскликнула леди де Вер, с трудом скрывая раздражение.

Она привыкла сдерживать свои эмоции, но в сложившейся ситуации ее негодование можно было понять: старшая дочь собирается выйти замуж за представителя древнейшего аристократического рода, а младшая позволяет себе опаздывать на семейный ужин.

Миллисента постаралась проскользнуть незамеченной в Голубую гостиную, где все собралось в ожидании, когда их пригласят к столу. Большинство гостей окружили принца, его высокая фигура гордо возвышалась над остальными.

– Прошу прощения, – ответила девушка, потупившись и разглядывая дорогой персидский ковер.

– Милли, это просто неприлично – заставлять королевскую особу ждать себя, – заметила мать и добавила в полголоса: – И потом, тебе не приходило в голову наложить макияж или, по крайней мере, подкрасить губы? Ты ведь можешь выглядеть очень неплохо, если захочешь.

Из чего можно было заключить, что в настоящий момент на Милли страшно было взглянуть.

Ну что ж, тем лучше. Будет проще оставаться незамеченной. Только бы он больше не смотрел на нее тем волнующим взглядом, не будил в душе странные, непривычные чувства.

И вдруг рядом с ней возникла высокая темная фигура. Даже не глядя, можно было понять, кто стоит поблизости. Миллисента с трудом сдержала внезапно охвативший ее приступ безумной радости. Только бы мать ничего не заметила.

– Принц Джанферро, – произнесла графиня де Вер с улыбкой восторга на лице, – я хотела

бы представить вам мою младшую дочь Миллисенту.

Милли собралась с духом и подняла глаза – иначе принц решил бы, что она плохо воспитана. Прекрасное аристократическое лицо с высокими скулами выражало нескрываемую насмешку.

«Скажи, что мы знакомы, – мысленно попросила девушка, – пожалуйста, скажи, и тогда все будет нормально».

Но он не сказал. Напротив, взял ее руку и слегка коснулся губами кончиков пальцев, от чего у Милли по телу пробежала дрожь.

– Миллисента, – пробормотал принц.

– Милли, – поправила она, отнимая руку, чтобы побороть искушение коснуться его точеного лица. Смущение постепенно сменялось возмущением и досадой на себя. – Я должна сделать реверанс?

Губы красавца сложились в ироничную усмешку.

– Только если вам самой этого хочется.

Возможно, то была лишь игра воображения, но Милли почудилось, что в его ответе скрыт тайный смысл. «Господи, ну почему я должна об этом думать? – с отчаянием спрашивала себя девушка. – Ведь он женится на Лулу, а не на мне».

Миллисента изящно склонила головку в знак согласия и сделала грациозный реверанс, надеясь, что после такого официального знакомства ей будет легче сохранять дистанцию с Джанферро.

– *Perfetto*, само совершенство, – произнес он еле слышно.

– В самом деле, дорогая, у тебя прекрасно получилось, – произнесла графиня, глядя на дочь с одобрительной улыбкой. – А теперь, будь добра, извинись перед принцем за свое опоздание!

– Но я...

В глазах Джанферро запрыгали лукавые чертики.

– Полагаю, вас задержало нечто гораздо более интересное?

К счастью, в эту минуту раздался удар гонга.

– Пора садиться за стол, – вежливо произнесла Миллисента.

– Вам повезло, – прозвучал ироничный ответ, и Милли заметила, как мать удивленно приподняла бровь. Похоже, леди де Вер спрашивала себя, как удалось ее маленькой серой мышке удержать внимание принца дольше, чем на секунду.

За ужином собралось человек двадцать. Как Милли и ожидала, ее посадили на самый дальний от принца конец стола.

Джанферро вряд ли замечал, что он ест, и слуги уносили назад почти нетронутые тарелки. Правда, повар постарался на славу, обеденный зал поражал воображение изяществом обстановки. Гости подобрались один знатнее другого, вот только...

Взгляд принца непреодолимо тянуло к юной девушке, сидевшей на другом конце стола. Как не похожа она на свою старшую сестру! Лулу стильная и избалованная вниманием, как модели экстракласса. На ее фоне Милли смотрится простушкой, но как мила она в своем скромном платье, изящно облегающем стройную фигурку и открывающем красивые руки! Белокурые волосы собраны в хвост на затылке, а лицо, не тронутое косметикой, выглядит юным и свежим, словно омытые росой полевые цветы.

Лусинда наклонилась к Джанферро, собираясь что-то сказать, и принц почувствовал запах дорогих французских духов. Неожиданно он поймал себя на мысли, что без сожаления променял бы этот изысканный аромат на влажный запах земли в конюшне.

– Вы даже не пригубили вина, Джанферро! – мягко пожурела гостя Лулу.

Тот недоуменно пожал плечами.

– Разве вам не говорили, что я никогда не пью за ужином?

– Нет, ни разу! Какая досада! – у Лулу даже лицо вытянулось от разочарования. – Но почему так?

– Просто хочу сохранить способность ясно мыслить.

– Но, надеюсь, вы не всегда так строги к себе и можете время от времени, – девушка подарила высокому гостю кокетливую улыбку, – отпустить поводья, расслабиться?

Джанферро прекрасно понимал, к чему она клонит, и внезапно почувствовал, что закипает от гнева. Дело было не только в словах. Принц прекрасно разбирался в женщинах. А сегодня,

имея возможность наблюдать Лулу на «родной» территории, окончательно убедился – она ему не подходит.

Вне всякого сомнения, Лулу была прекрасна и весьма уверенна в себе. Но с того самого момента, как Джанферро переступил порог их дома, она стала вести себя как хищный зверь, заведший добычу. Такой стиль поведения хорош для любовницы, но никак не для будущей жены.

Откидывала ли она назад свои длинные волосы или пробегала кончиками пальцев по цепочке на шее – каждое движение дышало сексуальностью, что само по себе было совсем неплохо. Но принц уже знал наверняка, что внутренний голос его не обманывает: *Лулу не девушка!*

В то время как Милли...

Он снова бросил взгляд на дальний конец стола и заметил, что Миллисента смотрит на него. Огромные синие глаза выражали смущение и тревогу. Встретившись взглядом с Джанферро, она закусила губу и быстро отвернулась, как будто ее кто-то отвлек.

Неожиданно он почувствовал приступ какого-то первобытного желания, столь же необъяснимого, сколь и непреодолимого.

– Джанферро?

Поспешив надеть на лицо нейтральную вежливую улыбку, он повернулся к соседке:

– Да?

Во взгляде Лулу принц прочел весьма откровенное предложение.

– Как вы смотрите на то, чтобы я показала вам наши владения после ужина? Я имею в виду частную экскурсию, – девушка многообещающе улыбнулась. – В «Каюс-Холле» собраны настоящие сокровища, нужен только опытный проводник.

Джанферро напрягся. Он привык сам контролировать ситуацию и до настоящего момента всегда выбирал правильный путь. Ему стало ясно одно: негласное соглашение, которое существовало между ним и Лулу, теперь никогда уже не превратится в официальное предложение. Ничего еще не было произнесено вслух – стало быть, не нужно и расторжение помолвки.

Конечно, рано или поздно Лусинда узнает причину и будет сильно расстроена – что ж, пусть лучше так. Небольшое разочарование сейчас гораздо легче пережить, чем неудачный брак в будущем.

Джанферро принял решение. Он уедет сегодня же, не оборачиваясь назад. Этот путь оказался таким простым и естественным, а проблема больше не давила своей неразрешимостью.

– Может, пересядем, прежде чем подадут десерт? – предложила леди де Вер.

Принц кивнул.

– С удовольствием. Я хотел бы поговорить с обеими вашими дочерьми.

Этот ответ следовало расценивать как приказание, и Милли расстроилась, но, вспомнив о долге гостеприимства, пересела, скрывая раздражение за улыбкой и пытаясь не замечать испепеляющего взгляда сестры. Интересно, о чем принято говорить с принцами за десертом? – подумала девушка.

Джанферро наклонился к своей новой соседке и тихо произнес:

– Так почему же вы обманули меня, Милли? Сказали, что работаете на конюшне?

Девушка закусила губу. Ну ужели можно вот так просто объяснить, что при виде этого красавца у нее замирало сердце, а в голове кружились самые необычные идеи? Еще, чего доброго, он примет ее за сумасшедшую!

– Так получилось, сорвалось с языка, – честно призналась Миллисента.

Он иронично приподнял бровь.

– И часто вы действуете под влиянием момента? – продолжил он допрос.

– Не особенно, – ответила Милли. – А вы?

Собеседник улыбнулся печальной улыбкой и обреченно покачал головой.

– Увы, подобные слабости непозволительны, принимая во внимание мою должность.

– Вы имеете в виду должность принца? – переспросила она, лукаво прищурившись.

– Кронпринца, – уточнил Джанферро с деланной серьезностью.

– Да, но разве принцы не люди? – с искренним возмущением воскликнула Милли.

Как ей идет эта страстность! – подумал он. Так прекрасна и очаровательно наивна.

– Долг превыше всего, – мягко заметил принц.

– Понятно.

– Как бы там ни было, – продолжил он, – зачем говорить о таких скучных вещах? Лучше поведайте мне о себе, Милли.

Девушка захлопала ресницами от удивления, но принц начал расспрашивать о ее детстве и, казалось, слушал с неподдельным интересом.

Милли рассказала, в какой строгости держали воспитанниц в школе-интернате для девочек, которые, несмотря на суровые порядки, любили подшутить над монахинями. Слово за слово – странные и немного пугающие обстоятельства встречи в конюшне перестали тревожить ее. А когда собеседник весело рассмеялся, Милли решила, что недаром начала свой рассказ.

Неожиданно она поняла, что разговоры за столом прекратились и все внимание обращено на них. Леди де Вер смотрела на дочь с удивлением, а Лусинда – с нескрываемым раздражением.

– Чем бы вы хотели заняться после ужина, Джанферро? – спросила хозяйка дома.

Лулу вопросительно приподняла бровь и тоже уставилась на него.

– Видите ли, – осторожно начал гость, – я мечтаю посмотреть на ваших лошадей.

Лулу скорчила недовольную мину.

– На лошадей?

– Ну да, – мягко подтвердил тот. – У меня самого пять скакунов в Мардивино, и хотелось бы сравнить их с теми, что стоят в вашей конюшне.

Лусинда, сидевшая теперь в центре стола, грациозно указала изящной ручкой сперва в сторону окна, потом на свое восхитительное розовое платье.

– Но ведь за окном идет дождь!

– Не страшно, я люблю дождь, – прозвучал твердый ответ.

Лулу раздраженно забарабанила кончиками пальцев с безупречным маникюром по столу.

– Что ж, если вы намерены промокнуть до нитки, ничего не имею против. Но вы не можете рассчитывать, что я буду вас сопровождать!

На долю секунды воцарилась мертвая тишина. Судя по взгляду Лусинды, она была абсолютно уверена, что теперь-то принц откажется от своего замысла и посмотрит на лошадей как-нибудь в другой раз. Но она его плохо знала. Никогда в жизни кронпринц Мардивино не шел на поводу у женщины!

– Как вам угодно, – отчеканил он в ответ. Казалось, от недовольствия, звучавшего в его тоне, задрожал воздух. Милли заметила, что мать очень расстроена – прием оказался на грани провала. Девушка судорожно облизнула губы и робко предложила:

– Я могла бы показать принцу лошадей.

Леди де Вер ответила дочери благодарной улыбкой, отчего та смутилась еще сильнее.

Джанферро улыбнулся.

– Вы очень любезны, Милли, Благодарю вас.

Сердце в груди юной красавицы бешено забилося. Милли встала из-за стола, с силой оттолкнув стул. Сейчас она ненавидела Джанферро за высокомерное поведение.

– Ладно, пошли, – буркнула Миллисента и получила в ответ пристальный взгляд слегка прищуренных карих глаз.

– Но ведь тебе нужно еще переодеться! – напомнила мать.

– И так сойдет. От дождя еще никто не умирал, – заявила Милли.

Лулу издала нервный смешок:

– Еще бы, Милли может промокнуть до нитки и глазом не моргнуть. Она такая пацанка!

Это прозвище преследовало девушку с самого детства. Но сейчас, когда Джанферро направился вместе с ней к выходу, а в обеденном зале повисла напряженная тишина, Миллисента почувствовала себя совершенно новым человеком. В ней проснулась женщина, и это ощущение вызывало одновременно восторг и неловкость.

Пройдя к восточному выходу, Милли открыла дверь. Дождь шел сплошной серой стеной, за которой ничего невозможно было разглядеть. Милли сдернула старый плащ с вешалки и сунула его в руки Джанферро. Потом накинула еще один себе на плечи.

Принц набросил на себя выдавший виды плащ, от которого пахло лошадиным потом и кожей седла.

– Нам придется бежать бегом, – крикнула Милли, чувствуя внезапный прилив невероятного восторга. Наконец-то скучный официальный вечер сменился чем-то ярким, необычным. «Все не так просто, Милли, и ты прекрасно это знаешь», – предупреждал внутренний голос. Она трях-

нула головой, пытаясь отогнать тревожные предчувствия, и побежала.

Джанферро бросился следом, перепрыгивая через лужи и радостно хохоча. Он уже успел забыть, что можно так беззаботно смеяться. Капли грязи летели на обтянутые шелком стройные ноги девушки. Наверное, она носит колготки, решил Джанферро. Дикаркам вроде Миллисенты вряд ли придет в голову надеть чулки. И что он, принц крови, делает под дождем с этой девчонкой не от мира сего? Это же сумасшествие, настоящее безумие! Нужно остановиться, пока не поздно.

Но в глубине души он понимал, что уже не может ничего изменить. Судьба его должна была сделать резкий поворот, и он не в силах был этому противостоять.

Когда молодые люди добежали до конюшни, Милли повернулась к своему спутнику, стряхивая с лица капли воды, похожие на слезы.

– Почему вы не сказали моей матери, что мы знакомы?

– Ты знаешь ответ так же хорошо, как и то, что сейчас должно произойти. Зачем ты согласилась привести меня сюда? – вкрадчивым тоном поинтересовался он.

– Потому что ты... потому что вы хотели взглянуть на лошадей, разве не так?

– Неправда. И ты прекрасно знаешь, чего я на самом деле хочу. Ведь это желание объединяет нас с тобой, просто ты боишься признаться себе в этом.

Миллисента подняла на него полный удивления взгляд. В глазах принца, потемневших от страсти, она прочла такой непреодолимый сексуальный призыв, что от испуга быстро закачала головой. Как бы она хотела, чтобы этот порыв прошел, и как боялась, что ее молитва будет услышана!

– Нет, – едва слышно произнесла Милли. – Нет, мы не должны!

– Мы обязаны сделать это, иначе просто не сможем дальше жить.

– Джанферро!

Принц обнял девушку и вместе с ней упал на стог сена. Откинув влажные пряди со лба Милли, он несколько мгновений, не мигая, смотрел ей в лицо. Глаза красавицы расширились от ужаса, дыхание прервалось и в следующий момент слилось с его дыханием в невероятном, умопомрачительном поцелуе.

Властным движением языка Джанферро раздвинул губы Милли и проник внутрь, обжигая ее своим напором. Миллисенту закружил фейерверк чувств, по всему телу разлилась сладкая нега. Она страстно извивалась в крепких и одновременно нежных руках принца, стремясь слиться с ним в единое целое.

Неожиданно Джанферро разомкнул объятия и приподнялся, прерывисто дыша. Губки девушки разочарованно скривились.

– Почему ты остановился? – спросила она голосом, который внезапно показался ей чужим.

– А ты не понимаешь? Скажи, Милли, тебя когда-нибудь раньше целовал мужчина?

Она неподвижно смотрела на принца, не понимая, как он мог догадаться.

– Н-нет... не так, как сейчас.

Бархатные карие глаза сверкнули ироничным блеском:

– А как было сейчас?

«Головокружительно», – хотела ответить она, но не решилась: определение показалось ей слишком банальным.

– Никак.

Джанферро внезапно ощутил невероятный восторг. Миллисента была так очаровательно неопытна! Он вновь заключил девушку в свои объятия и прошептал:

– Ты прекрасно целуешься. С такой неподдельной страстью. Но существуют разные способы целовать мужчину. Постепенно ты узнаешь их все. Я буду тебе хорошим учителем, дорогая Милли.

Эти слова немного отрезвили девушку. Она немного отодвинулась назад – Джанферро не останавливал ее. Черт возьми, что он имеет в виду? – пронеслось в голове Миллисенты. Как он смог заманить меня сюда и почему я позволила так с собой обращаться? Вынимая запутавшиеся в волосах соломинки, она вдруг крикнула срывающимся от возмущения голосом:

– Ты не сделаешь ничего подобного! И вообще, что ты о себе возомнил?! Моя сестра – твоя невеста!

Принц покачал головой и серьезно произнес:

– Нет. Уже нет.
– Неправда! Вы собираетесь пожениться! – воскликнула Милли с отчаянием.
– Я не могу жениться на ней, – резко, почти сурово возразил он. Потом приподнял лицо девушки за подбородок и, не мигая, посмотрел ей в глаза властным взглядом, которому нельзя было не подчиниться. – Мы оба прекрасно это знаем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

– Я собираюсь выйти за Джанферро.
Лулу, расчесывавшая волосы перед зеркалом, на секунду замерла.
– Ты что, белены объелась?
Милли нервно сглотнула. Но дело нужно было довести до конца, вне зависимости от того, какие могут быть последствия.
– Прости, мне очень жаль. Но Джанферро и я... мы решили пожениться.
Глаза сестры сузились. Она резко развернулась к Миллисенте.
– Немедленно скажи, что ты шутишь.
Милли отрицательно покачала головой.
– Нет, я не шучу.
На мгновение губы Лусинды скривились в презрительную усмешку. Затем она произнесла тоном, которым уже не раз объясняла младшей сестре, что мужчины не любят девушек, от которых пахнет конюшней:
– Милли, я понимаю, что у тебя могло хватить ума влюбиться в этого хладнокровного мерзавца, но почему ты наивно полагаешь, что сможешь насовсем переселиться в мир фантазий? Когда ты вот так приходишь и делаешь подобные заявления, людям волей-неволей приходится тебя слушать. Ты рискуешь стать всеобщим посмешищем.
– Она говорит правду, Лулу, – раздался голос у двери. Сестры одновременно повернули головы и увидели леди де Вер на пороге комнаты.
– Ты все знала? – удивлению Милли не было предела.
– Джанферро звонил мне сегодня утром, – ответила ее мать. – Официально, чтобы просить руки моей дочери, поскольку ваш отец покинул нас. Хотя, думаю, мое согласие – всего лишь пустая формальность. Если он решил жениться на тебе, то сделает это, не считаясь ни с чьим мнением.
Лулу переводила взгляд с матери на сестру, словно зритель на теннисном турнире, и лицо ее выражало все возрастающее недоумение.
– Как она может собираться за него замуж? – удивленно продолжила Лулу. – Ведь они не виделись с того злополучного вечера, когда он испортил нам ужин и вдобавок разбил мне сердце!
– Никто не разбивал твоего сердца, дорогая, – мягко возразила ее мать. – Ты ведь на другой же день вернулась к Неду Вону.
Но Лусинда уже не слушала.
– Может, ты все-таки объяснишь, в чем дело, Милли? Ведь вы встречались всего один раз в жизни!
Графиня бросила на младшую дочь пронизывающий взгляд.
– Боюсь, ты ошибаешься, дорогая, они встречались гораздо чаще. Я права, Милли?
Миллисента кивнула, закусив губу.
– Но когда? – выкрикнула Лулу. – И где?
– В Чичестере. Потом в Сиренсестере. И один раз в Хиткоте.
Глаза старшей сестры презрительно сузились.
– На лошадиных торгах?
– Именно так. Точнее, там, где проводились ярмарки. Честно говоря, мы не были ни на одной из них. Джанферро решил, что нам лучше встречаться в тех местах, где я чаще всего бываю. Только так можно будет избежать подозрений.
– Ах ты маленькая хитрая дрянь!
– Лулу! – остановила ее мать с осуждением.
– Все верно, – ответила Милли. – Она имеет право так говорить. – Голос девушки звучал

робко, едва слышно. – Мне действительно очень жаль, Лулу, честно. Я не хотела причинить тебе боль, и он тоже.

Сестра громко, через силу, рассмеялась.

– Ну какая же ты дура! Да неужели ты не видишь, что он просто кружит тебе голову, чтобы затащить в постель? Еще бы, стать первым любовником у неопытной девушки! Разве ты не понимаешь, что для мужчины, которого уже ничем не удивить, девственность партнерши становится бесценным подарком?

– Но мы даже не... – Милли замолчала на полуслове, видя недоверие в глазах сестры. – Между нами еще ничего не было, все случится только после свадьбы. И я хотела, чтобы ты первая узнала об этом, Лулу...

– Ну что ж, спасибо. Слов не хватает, чтобы выразить, как ты меня обрадовала! – На лице Лусинды отразилась бешеная ярость. Милли вспомнила, что такое же выражение было у сестры, когда ей не досталась главная роль в школьной пантомиме. – Ты что, проболталась ему про нас с Недом? Рассказывала о том, что мы были любовниками?

– Конечно, нет! – в ужасе воскликнула Милли.

– В таких делах «конечно» не бывает! Еще бы, ты решила захомутать моего жениха, и, похоже, тебе это удалось. Только не надейся, что я поверю, будто он приехал сюда делать мне предложение, а потом передумал, увидев тебя!

– Я не знаю, как и почему это произошло, – грустно ответила Милли. – Просто так получилось, и все.

– В таком случае позволь мне поздравить тебя от всего сердца, дорогая, – раздался голос у нее за спиной. Девушка повернула голову: в глазах матери стояли слезы. – Ты должна порадоваться за свою сестру, Лулу, – произнесла леди де Вер.

– Тебе, видимо, очень хочется породниться с королевской семьей, – раздраженно возразила та. – И совершенно неважно, на которую из твоих дочерей падет выбор!

– Не говори глупостей! Ты будешь не менее счастлива, выйдя замуж за богатого землевладельца. К тому же Нед готов безропотно исполнять любое твоё желание. А Джанферро тебе не удалось бы загнать под каблук – вы оба слишком горды и независимы, чтобы жить вместе.

Взгляд Лулу немного смягчился, но она не могла так сразу оставить сестру в покое.

– И ты что же, действительно надеешься, не имея ни капли опыта, сразу взять в оборот такого мужчину, как Джанферро?

Милли удивленно уставилась на нее.

– Я не знаю, – честно призналась она, – но буду очень стараться.

Графиня мягко подтолкнула младшую дочь к креслу.

– Может, ты все же расскажешь нам, дорогая, как это все произошло?

Миллисента и сама понимала, что не может больше держать мать и сестру в неведении – только вот с чего начать? И что скажет Джанферро, узнав о ее откровениях?

Милли и так казалось, что между ней и окружающим миром образовалась огромная пропасть, которая увеличивается с каждым часом. Теперь она – невеста будущего короля, а это не только большая честь, но и огромная ответственность. Джанферро – не обычный мужчина, поэтому его разговоры с возлюбленной не должны стать темой для обыкновенных сплетен. Милли не может себе позволить, подобно другим девушкам, пересказывать родным, как ей сделали предложение.

Они встречались несколько раз, и каждое свидание проходило в обстановке строжайшей конспирации. Со станции Милли забирали на машине и быстро увозили в очередное безопасное место, где ее уже поджидал Джанферро. Здание внутри и снаружи наполняли телохранители и офицеры охраны, но и те и другие держались совершенно незаметно.

Хозяева усадеб, куда ее привозили, были в основном, незнакомы Миллисенте, за исключением одной пары. Жена владельца дома окинула ее любопытным взглядом, не в силах скрыть свое удивление. И все же Милли была уверена, что об их пребывании там никто не узнает. Джанферро настаивал на полной конфиденциальности, потому что ставки были слишком велики. Но какие ставки? – спрашивала себя девушка и не смела ответить на свой вопрос. Слишком страшно было ошибиться.

Во время короткого званого ужина Миллисенте задавали кучу вопросов по поводу ее отношения к политике и искусству, а также что она думает о женском феминизме. Собственные

ответы Милли не радовали – она внезапно осознала, что всю жизнь слишком мало интересовалась чем-либо, кроме лошадей. И все же она инстинктивно понимала, чего от нее хотят и как нужно себя вести – ведь, как-никак, Миллисента воспитывалась в аристократической семье.

Однажды владельцы усадьбы устроили для гостей экскурсию по своему великолепному саду. Милли вежливо расспрашивала о деревьях и кустарниках. Подойдя к кусту редкой персидской розы, девушка безошибочно назвала ее сорт, краем глаза заметив, как хозяйка утвердительно кивнула головой, а Джанферро удовлетворенно улыбнулся. Похоже, это испытание было пройдено успешно.

Наградой стала прогулка в конюшню, где стояли прекрасные андалузские скакуны. Совершенно неожиданно девушка поймала себя на том, что ее не интересуют эти великолепные животные. Она мечтала оказаться наедине с высоким задумчивым красавцем, который, как и раньше, был для нее полной загадкой. Этот мужчина ворвался в жизнь Миллисенты, как метеор, прорезавший звездное небо.

Милли бросила быстрый взгляд на Джанферро, но тот сосредоточил все свое внимание на лошадях.

В последнее время он обращался с ней подчеркнуто вежливо и отчужденно, словно и не было тех жарких объятий в конюшне, в первый день знакомства. Чем больше Милли общалась с принцем, тем сильнее восхищалась им – и тем меньше узнавала в нем прежнего Джанферро. Она хотела лишь одного – возвращения утраченной близости.

Девушка провела рукой по лоснящемуся боку лошади.

– Какая красавица, ты не находишь? – задумчиво спросила она.

– Пожалуй, не плоха, – пробормотал принц.

– Не плоха? – рассмеялся хозяин. – Да это же королевская порода! Вот эта кобыла принесет вам будущих победителей на скачках. Я дарю ее вам, Джанферро! И не вздумайте отказываться.

Джанферро выразил свою признательность легким наклоном головы. Он знал, что подобные подарки не делаются просто так. Он убеждался в этом всю свою жизнь, но в последнее время особенно часто. Приближалось время восхождения на трон, и люди старались расположить к себе будущего монарха с помощью щедрых даров и любезных услуг, вроде предоставления собственного дома в его распоряжение. Каждый хотел приблизиться к его персоне, но только сам принц понимал, что никому не удастся по-настоящему преодолеть это расстояние. Даже его же не. Удел всех королевских особ – полное одиночество.

– До обеда еще есть время. Не угодно ли вам будет осмотреть библиотеку – вдвоем? – спросил хозяин дома.

Миллисента вздохнула с облегчением: наконец-то их оставили одних. Не в силах бороться с собственными желаниями, она бросилась в объятия любимого и прижалась к нему всем телом. Губы влюбленных слились в страстном поцелуе, мир вокруг закружился, наполнился яркими красками. Однако как только из уст девушки вырвался сладкий стон, принц разомкнул объятия и слегка отстранился, словно сдерживая милого, но не в меру расшалившегося щенка.

Милли взглянула на него с изумлением.

– Неужели ты больше не хочешь меня?

Джанферро нахмурился. Его сводила с ума восхитительная страстность юной возлюбленной. Такой неподдельный восторг не встретишь в более зрелых, опытных любовницах. Но, с другой стороны, это обоюдоострый меч. Невинность Милли имеет и обратную сторону – ему придется научить девушку обуздывать свои желания, держать их под контролем. Она должна узнать, что инициатором близости может быть только Джанферро.

– Ты знаешь, что я хочу тебя, – тихо прошептал он. – Но не здесь и не сейчас. Давай поговорим, Милли.

– Я не могу, – ответила она. – Я не в силах владеть собой, не понимаю, что со мной происходит.

– В самом деле? – Джанферро взял ее за плечи и заглянул в глаза. – Ты действительно не догадываешься, зачем тебя привезли сюда?

Девушка покачала головой.

– Нет, не догадываюсь.

Принц понял, что настал решительный момент.

– Ты помнишь, что случилось в тот день, в конюшне? – Его голос звучал мягко и в то же

время повелительно. – Я не ожидал такого поворота.

– И не хотел? – спросила она испуганно. Взгляд его стал суровым: Милли должна понять, что копание в себе не решает проблему, а лишь усугубляет ее.

– Чего я хотел, теперь уже не важно. Речь идет сейчас о том, что мне нужно, – твердо пояснил он. – Я нашел то, что долго искал.

Миллисенте показалось, что она стоит на краю пропасти и смотрит вниз, а там только темнота и нет просвета. Но внутренний голос убеждал, что все будет хорошо, и оставалось только поверить своей интуиции.

– Так что же тебе нужно? – спросила она.

– Ты. Я собираюсь жениться на тебе.

Странно, но это заявление совершенно не взволновало Милли.

– И ты даже не спрашиваешь моего согласия?

На лице собеседника появилась задумчивая улыбка. Может, все-таки стоит подарить ей иллюзию собственного выбора, подумал он. Пусть считает, что способна повлиять на ситуацию, когда я уже принял решение!

– Ты выйдешь за меня замуж?

Милли приложила ладони к щекам – они горели, как в огне.

– Замуж... – повторила она дрожащим голосом, чувствуя, как бешено бьется сердце в груди. – Мне казалось, что, прежде чем делать предложение, принято...

Взгляд его черных глаз стал острый, как лезвие.

– Неужели ты думаешь, что я могу себе позволить то, что делают обычные мужчины? Свидания под луной, трогательные поцелуи на прощание? Походы в театр и знакомство с друзьями? – Джанферро взял ее левую руку в свою и повернул ладонью вверх, внимательно разглядывая переплетение линий. – Все это не для меня, Милли. Когда человек в моем положении выбирает себе невесту, обычные правила ухаживания не действуют.

– То есть... иными словами, ты выше всех правил?

– Да, – просто и уверенно ответил он. – Вздумай я встречаться с тобой открыто, это вызвало бы бурную реакцию в печати – не только в Англии, но и во всей Европе, – и скомпрометировало бы тебя. Люди стали бы следить за каждым твоим словом и шагом, все было бы тщательно запротоколировано и предано публичному обсуждению. Да и зачем усложнять дело, Милли? Ведь я и так уверен, что ты воплощаешь все то, что нужно моей невесте.

– Но почему? – не унималась она. – Почему именно я?

– Требования просты: моя невеста должна быть невинна и происходить из аристократической семьи.

Как те лошади, которых мы только что видели, подумала девушка, едва сдерживая себя, чтобы не разрыдаться.

– У тебя не было интимных связей – именно то, что мне нужно, – в голосе Джанферро появились страстные нотки. – И я обещаю, что твой первый любовник предложит тебе то, чего никакой другой мужчина подарить не сможет.

Милли покраснела, и явное смущение девушки завело его еще больше.

– Но почему ты не выбрал невесту среди женщин Мардивино?

– Это было бы очень сложно. Я слишком хорошо знаю всех возможных претенденток, им нечем меня удивить. К тому же оба моих брата женаты на англичанках. Они составят тебе компанию, и ты будешь меньше скучать по дому. А полученное воспитание позволит тебе прекрасно справиться с возложенной задачей.

– Задачей? – переспросила она. Джанферро кивнул.

– В Англии девушек с юных лет воспитывают независимыми, выносливыми и находчивыми. Ты быстро найдешь общий язык с кем угодно. Тебе не придется объяснять, как следует воспитывать будущего наследника престола – ведь королева должна будет родить мне сыновей.

Королева. Это слово будто залетело в разговор из сказочной страны. Но все остальное мало походило на сказку, иначе принц не забыл бы упомянуть то, о чем больше всего хотят слышать невесты – о любви. Милли взглянула на красивое, гордое лицо Джанферро. Может, любви совсем и нет – ведь они почти не знают друг друга? В любом случае ей не нужны ложные уверения, если нет настоящих чувств.

– И все-таки ты сомневаешься, – нежно заметил он. – Хочешь, я объясню тебе, что важнее

всего?

– Д-да, – она задыхалась от волнения. – Скажи мне.

– Взаимное притяжение между нами. Оно очень сильно, с ним нельзя не считаться. Ты ведь тоже чувствуешь это, признайся, Милли?

Сердце Миллисенты стучало так громко, что слова собеседника казались приглушенными. Она молча кивнула, дрожа от предвкушения, поскольку Джанферро наклонился, едва касаясь губ девушки, и поддразнивал ее, медля с поцелуем.

– Видишь, до чего ты меня довела... там, – он взял руку красавицы и притянул к центру своего желания.

Милли вздрогнула, коснувшись напряженной плоти, готовой вырваться наружу. Ответная страсть охватила ее, заставляя забыть обо всем на свете – даже о том, что, возможно, для Джанферро дело ограничивалось лишь плотским влечением.

– Да, – прошептал он, – несмотря на твою невинность, я безумно хочу тебя. Знаешь, я никого в своей жизни так не хотел – наверное, потому, что сейчас мне приходится ждать. Я стану твоим первым и единственным мужчиной, тебе не с кем будет меня сравнить, не у кого больше научиться искусству любви. Ты узнаешь, как доставить мне удовольствие и получить его самой. Тебе, королеве Мардивино, будет доступно все, о чем только можно мечтать: лучшие скаковые лошади, драгоценности, побрякушки – только прикажи.

Милли хотела возразить, что это не так уж необходимо, на свете есть и более важные вещи. Что не о том она мечтала, отдавая безвозвратно свое сердце этому кареглазому красавцу.

– Джанферро...

– И вот что я еще тебе скажу, – продолжил он, безжалостно прерывая ее. – Если ты откажешь мне, то всю жизнь потом будешь жалеть об этом. Все мужчины будут лишь жалким подобием того единственного, который мог быть рядом с тобой.

Будь Милли постарше, она ответила бы презрением на его высокомерное любование собой, но все-таки она понимала, что в этих словах есть доля здравого смысла. Возможно, стоило попросить отсрочку на раздумье, но, похоже, время было для него такой же роскошью, как и право на личную жизнь.

Она обхватила руками возлюбленного, словно спасательный круг во время шторма, и воскликнула:

– Джанферро, пожалуйста! Неужели ты даже не поцелуешь меня?

На губах принца заиграла самодовольная улыбка. Теперь он был абсолютно уверен в своей абсолютной власти над ней.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Милли осторожно положила крошечную противозачаточную пиллюлю в рот и проглотила ее. Потом вошла в спальню, бледная, как то свадебное платье, что висело на вешалке в ожидании торжественного часа.

– Не знаю, Лулу, как я все это выдержу, – призналась она охрипшим от волнения голосом.

– Ерунда, не ты первая, не ты последняя! – улыбнулась Лусинда, совсем недавно простившая Милли за «украденного» жениха. – Как сказала одна моя знакомая, с которой я не так давно поменялась местами, – продолжила она, лукаво прищурившись, – поздно давать задний ход, когда на полотенцах уже вышито твое имя.

И Лулу была абсолютно права. Их с Джанферро имена были не только на полотенцах, но также на чайном сервизе и подносах, на которых подавали завтрак. Были даже отчеканены особые монеты с профилями Миллисенты и Джанферро – они появились в тот день, когда было официально объявлено о помолвке.

Неожиданно Милли спросила себя, а мыл ли ее возлюбленный хоть раз в жизни посуду? Вряд ли. Это казалось столь же маловероятным, как и то, что он когда-либо сам готовил себе еду. В то время как сестры де Вер, несмотря на привилегированное воспитание, прошли школу скаутов и поэтому знали, как начистить картошку или сварить суп. Они даже могли испечь вполне съедобные пирожки, которые мгновенно разлетались на благотворительных ярмарках.

Детство Джанферро прошло в совершенно иной обстановке. С каждым днем Милли все больше убеждалась в том, что он живет в обособленном мире. Уединиться с ним было так же

сложно, как попасть на прием к дантисту в неурочный час. Его плотным кольцом окружали помощники. Один из них, граф Алессо Бастистелла, был необыкновенно красивым итальянским аристократом и, по замечанию Лулу, разбивал женские сердца на счет раз.

Правда, Милли это никак не грозило. Алессо напоминал ей опытного футбольного вратаря: несмотря на свои изысканные дипломатические манеры, он никого не подпускал к принцу.

– Мы вместе учились в школе, – пояснил однажды Джанферро, – и я доверяю ему как самому себе. Он – моя правая рука.

Миллисента поняла, что доверие ее жениха не так-то легко заслужить, и спросила себя, сможет ли она когда-нибудь подружиться со всемогущим Алессо. Как бы там ни было, если она хочет стать опорой для своего мужа, придется постараться сделать и это.

За все прошедшее время их свидания с Джанферро наедине можно было пересчитать по пальцам одной руки. Милли закрывала глаза и представляла себя в объятиях любимого, нежные прикосновения его губ, поцелуи, от которых становится жарко внутри. Конечно, она всегда помнила о том, что отец Джанферро серьезно болен, к тому же необходимо внести поправки в Конституцию в связи с предстоящей свадьбой, и все же...

– Через час, – прервала ее размышления Лулу, – ты уже будешь клясться в вечной любви перед алтарем, так что путь назад тебе все равно отрезан! Кстати, я собираюсь наложить тебе макияж. Иди сюда и садись перед зеркалом.

Как хорошо, что мы помирились, подумала Милли. Правда, надо отдать должное Лулу, она никогда не была особо злопамятной. Раз приняв как неизбежное, что свадьба должна состояться, хочет она того или нет, старшая из сестер де Вер предпочла воспринять этот факт благосклонно. Особенно когда сообразила, что ей отведена роль подружки невесты.

– Единственной подружки, я надеюсь?

– Будет еще маленькая племянница Джанферро, но из взрослых – только ты.

Это сообщение заставило Лусинду окончательно забыть все обиды.

– Подумать только, сколько новых знакомств мне удастся завязать! – сладко вздохнула она.

– А как же Нед? – прищурилась Милли.

– Какой такой Нед? – переспросила сестра с лукавым смехом.

Месяц, прошедший после помолвки, Миллисента жила с матерью и сестрой в «маленьком» доме на территории дворца. За это время она ни разу не осталась с Джанферро наедине. Но все изменится после свадьбы, мысленно успокаивала себя Милли. Ведь для того и придуман медовый месяц, данный молодоженам, чтобы получше узнать друг друга. Но сумеет ли она стать ему хорошей женой? Помогут ли ей внутренний голос и те умные книжки, которые она успела прочитать? Нервная дрожь пробежала по телу. Рука Лулу, державшая губку с пудрой, замерла на полпути.

– Ты что, волнуешься по поводу первой брачной ночи? Я слышала, существует древняя традиция – вывешивать в окне дворца простыню с доказательством невинности новобрачной.

– Замолчи, Лулу, слышишь! – крикнула Милли, закрывая глаза. – Ты не видела газеты?

– Я думала, ты перестала их читать.

– Я тоже так думала, но не могу удержаться. Это как в ресторане: когда тебе говорят не трогать горячую тарелку, рука сама так и тянется к ней.

В свежих выпусках прессы не было ничего нового. Журналисты по-прежнему называли Миллисенту «непретенциозной» аристократкой – в переводе с газетного языка это означало «не пользуется косметикой, равно как и услугами стилистов».

Какое счастье, что Лулу оказалась рядом, подумала девушка. Именно она устроила младшей сестре путешествие по парижским домам моды в поисках идеального свадебного платья. Вереница нарядов, прошедшая перед их глазами, дала возможность понять, чего покупать не надо.

Кончилось тем, что Милли приобрела платье в Англии. К ужасу Лулу, оно все состояло из тюлевых оборок, наподобие балетной пачки.

– Тебя примут за свадебный торт! – заявила старшая сестра. – Ты выглядела гораздо сексуальнее в том облегающем атласном платье.

Но невестам не положено выглядеть сексуально. Они должны смотреться невинно и – в случае Миллисенты – по-королевски. Ведь свадебные фотографии в журналах будут рассматривать маленькие девочки, которые мечтают о сказочной принцессе. Милли не могла обмануть их

ожиданий.

– Может, туши для ресниц уже достаточно?

– Чем больше, тем лучше, – ответила Лулу, делая финальный взмах кисточкой. – Так твои глаза будут смотреться выразительнее на фотографиях.

Милли надела изящные туфельки ручной работы с вышивкой жемчугом, после чего осторожно облачилась в свадебный наряд.

– Вот это да! – восхищенно протянула Лулу, поправляя фату. – У меня просто нет слов!

Миллисента недоверчиво рассматривала свое отражение в зеркале. Неужели это действительно она? Высокий воротник подчеркивал грациозную шею, а расшитый бисером пояс изящно облегал тонкую талию. Довершала образ пышная юбка с прозрачными оборками, которые переливались при ходьбе.

Но сложнее всего было привыкнуть к собственному лицу. Щедро наложенная тушь увеличила ее глаза до невероятных размеров. Белокурые волосы были аккуратно уложены в пышную прическу, способную выдержать тяжелую бриллиантовую диадему, которую возложат на голову невесты после произнесения брачных клятв. Меньше всего Милли походила на себя. Она выглядела как...

– Как принцесса, – выдохнула Лулу с восхищением.

Миллисента взяла в руки свой букет. Быть принцессой – полбеды. Гораздо сложнее роль жены Джанферро, совместная жизнь в королевском дворце, со всеми ее радостями и горестями.

В который раз Милли пожалела, что Джанферро не может, как обыкновенные люди, взять ее в жены перед алтарем маленькой домашней церкви, где венчались родители девушки. А после свадебного обеда они должны ехать в Радужный Дворец, такой огромный, что Милли чувствовала себя в нем Алисой, потерявшейся в Стране чудес.

По мере приближения к собору Соладжои волнение Миллисенты возросло настолько, что даже ладони вспотели. Казалось, все происходит во сне: толпы людей на улицах, непрекращающиеся вспышки фотокамер, которые почти затмили дневной свет.

Милли понимала, что придется соблюдать определенные ритуалы, поскольку за церемонией будут наблюдать тысячи глаз не только в Мардивино, но и за его пределами. Собор был полон гостей, включая представителей королевской семьи, а также зарубежных президентов и премьер-министров.

Никогда в жизни Миллисента не чувствовала себя такой одинокой, как теперь, когда нужно было самой проделать бесконечно долгий путь по церковному проходу. Поскольку отец Милли умер, сопровождать ее было некому.

Под сводами церкви звучала прекрасная музыка. Милли прижала букет к поясу, потому что ей было велено не поднимать его выше. Вдалеке, перед украшенным цветами алтарем, она увидела темную фигуру своего жениха. На Джанферро была надета военная форма с орденами и медалями на груди, в которой он выглядел абсолютно неотразимым – и совершенно чужим. В руке принц держал форменный головной убор с плюмажем.

Милли так надеялась встретить улыбку одобрения Джанферро – но тщетно. Напротив, на лице жениха отразилось нечто, похожее на неудовольствие. По спине девушки пробежал холодок.

Джанферро не мог поверить своим глазам. Однако его эмоции были далеки от восторга, который обычно охватывает мужчину при виде любимой девушки в подвенечном наряде. Милли действительно была не похожа на себя, вот только преображение не пошло красавице на пользу.

Принц безуспешно пытался разглядеть те восхитительно чистые, невинные черты, что пленили его сердце. Синие глаза почернели, словно от сажи, а трогательно припухшие губки покрывал толстый слой ярко-розовой помады. Взгляд Джанферро стал холодным и суровым. Ему предстоял серьезный разговор с молодой женой, которой следует знать, что он любит, а чего терпеть не может – как, например, избыток косметики.

Миллисента протянула жениху руку, от волнения ее пальцы были холодны как лед. Но в этот момент кардинал Мардивино начал обряд венчания, и все остальное отступило на второй план.

Выйдя из полумрака собора на залитую солнцем улицу, принц повернулся, чтобы посмотреть на свою молодую жену. Должно быть, почувствовав его взгляд, она подняв глаза, полные слез.

– Ты счастлива? – спросил Джанферро, прекрасно сознавая, что на них направлены объективы сотен камер, а журналисты потом будут прокручивать пленку в замедленном режиме, пытаясь по губам прочитать каждое слово. Публика жаждала знать, что он говорит, о чем думает. Принц никогда не бывал по-настоящему предоставлен самому себе – еще один тяжелый урок, который предстоит усвоить его избраннице.

Милли улыбнулась дрожащими губами и едва слышно произнесла: «Очень». В голове царил туман, а тело казалось чужим и невесомым, словно под наркозом. Как будто со стороны она увидела себя – маленькую куклу с накрашенным личиком и огромными черными ресницами, в пышном белом платье с огромным шлейфом и бриллиантовой диадеме поверх пышной прически, – а рядом Джанферро, который вел ее к свадебному экипажу.

Радужный Дворец напоминал огромную цветочную оранжерею, и на каждом шагу нужно было с кем-то здороваться или знакомиться. Все кланялись молодоженам и поздравляли их. Милли заметила, с каким подчеркнутым почтением мужчины обращаются к Джанферро и как пристально женщины рассматривают его молодую жену. Казалось, на их лицах написано: «Ну-ка, ну-ка, кого это кронпринц привез в Мардивино?»

Молодожены сели за стол в банкетном зале, ослеплявшем блеском хрусталя и золота. Принц тихо произнес:

– Итак, Милли, первое препятствие позади.

Девушка рассмеялась:

– Знаешь, в моем лексиконе есть и другие слова, не только язык скачек! Да, кстати, тебе понравилось мое платье?

– Твой наряд вполне соответствует случаю.

«И все?! – мысленно воскликнула Миллисента. – Ну, скажи, что я красивая, даже если ты так не думаешь! Ведь любая девушка прекрасна в день свадьбы, даже если ее единственное украшение – блеск счастливых глаз!»

Принц наклонился к ней вплотную, обжигая своим дыханием, и прошептал:

– Зачем ты наложила на лицо столько косметики?

Милли вздрогнула, вспоминая слова Лулу.

– Чтобы лучше выглядеть на фотографиях!

Но Джанферро это объяснение не удовлетворило. Он выбирал невинную девушку, а не голливудскую старлетку, думающую только о том, как она смотрится со стороны.

– Тебе не нравится?

Он отрицательно покачал головой, стараясь избавиться от напряжения, которое, словно обручем, сдавило виски.

– У тебя такая тонкая нежная кожа, дорогая. Не надо портить ее косметикой, – тихо произнес он. Губки девушки задрожали от обиды, поэтому Джанферро положил руку поверх ее ладони и слегка сжал, предупреждая поток слез, готовых вот-вот прорваться наружу. Его голос звучал нежно, но твердо: – После приема ты все это смоешь и явишься ко мне безо всяких украшений, поняла?

Произнося последние слова, принц ощутил невероятный приступ желания, которое приходилось так долго держать под контролем, что теперь любое прикосновение к Милли могло заставить его забыть обо всем на свете.

Девушка кивнула и с неловкой поспешностью взяла бокал шампанского с подноса лакея. Никогда еще она не испытывала такой острой потребности в расслабляющем воздействии алкоголя. Подумать только, первое испытание в роли будущей королевы – и такая неудача!

Милли готова была тут же броситься в ванную комнату и смыть весь макияж, но не рискнула. Принцессам не положено отлучаться из-за стола под предлогом, что им необходимо припудрить носик. Теперь каждое ее перемещение будет подчинено строгим правилам.

– Улыбнись мне, дорогая, – произнес Джанферро, стремясь вновь увидеть радостные лучики в глазах любимой. – Подумай лучше, чем мы будем заниматься во время медового месяца.

Эти мысли постоянно занимали Миллисенту, вызывая попеременно то приступы восторга, то отчаяния. Но сейчас все дурные предчувствия растворились в шампанском, и ей не терпелось доказать молодому мужу, что он не ошибся в своем выборе.

Погрузившись в сладостные мечты, Милли начала рассеянно заплетать в косы бахрому на скатерти, пока не сообразила, что все взоры устремлены на нее.

– Ты еще не сказал, куда мы поедem, – шепнула она.

В бархатных глазах мужа засверкали лукавые огоньки.

– Разве ты не знаешь, что, по традиции, свадебное путешествие – сюрприз для новобрачной?

Милли хотела кивнуть в знак согласия, но вдруг задумалась над тем, что стоит за словом «традиция». Именно исполняя традицию, Джанферро взял на себя организацию свадебного торжества, и это было понятно. Но почему теперь, когда дело касается только их двоих, он не хочет забыть о заведенном порядке? Почему бы не рассказать молодой жене о своих планах или, еще лучше, предложить ей самой выбрать место для поездки?

Внезапно девушка осознала, что от ее мнения ничего не зависит. Но она не собиралась начинать семейную жизнь с ошибок. И если уж менять статус-кво, то делать это нужно постепенно и незаметно, чтобы не напоминать капризного карапуза, требующего во что бы то ни стало новую игрушку. Инстинктивно Миллисента понимала, что вести такую сложную партию придется самой, ведь принц не привык уступать ни в жизни, ни в политике – и кому же, как не ей, подать пример?

Они должны вместе начать с чистого листа, ведь впереди у них радостное, светлое будущее – одно на двоих.

Поэтому Милли постаралась забыть свои сомнения и радостно воскликнула:

– О, разумеется, я обожаю сюрпризы!

Джанферро улыбнулся, явно довольный такой реакцией.

– В таком случае, надеюсь, мой подарок не разочарует тебя, – произнес он.

В его словах Миллисенте почудился сексуальный подтекст, заставивший ее вздрогнуть от волнения. «Господи, только бы я не разочаровала его! – прошептала она про себя. – Пусть ему будет хорошо со мной в постели!»

Джанферро внимательно посмотрел на супругу.

– Почему ты нахмурилась, дорогая Милли?

Она постаралась взять себя в руки. В самом деле, не обсуждать же свою сексуальную неопытность за свадебным столом! Поэтому она вспомнила другую причину для печали:

– Как бы мне хотелось, чтобы мой отец был сейчас рядом. И твой тоже.

Принц кивнул и нежно улыбнулся ей. Потом отставил нетронутый бокал вина и взял стакан воды. Его отец так долго болел, что теперь уже мало напоминал энергичного, жизнерадостного мужчину, которым был когда-то. Смерть любимой супруги сильно подкосила короля Мардивино, хотя он мужественно скрывал свое горе от окружающих.

– Да, но незримо они оба сейчас с нами, – заметил Джанферро, вспоминая, как разгладись суровые складки на лице старика, когда принц привел Миллисенту знакомиться с будущим свекром. – Отец был так счастлив, что я наконец-то нашел себе невесту. Наша свадьба принесла ему огромную радость.

– А тебе, Джанферро? – рискнула задать вопрос Милли. От выпитого вина она несколько осмелела.

Принц снова улыбнулся, глядя на молодую супругу. Похоже, инстинкт его не подвел и помог сделать правильный выбор.

– Участь моя решена.

Это был не совсем тот ответ, на который рассчитывала Миллисента, но пока юной принцессе придется довольствоваться этим. Стараясь подавить волнение, она откинулась на спинку кресла. Из-за стола поднялся один из братьев Джанферро, чтобы провозгласить тост за новобрачную.

ГЛАВА ПЯТАЯ

– Ну, что ты скажешь, моя дорогая?

Милли улыбнулась, стараясь унять нервную дрожь.

– Он... он великолепен! – запинаясь, тихо ответила девушка.

Дом стоял в прекрасном саду, который спускался к необыкновенно красивому пляжу. Мелкий белый песок, усеянный небольшими морскими раковинами, составлял яркий контраст ослепительно голубому океану.

Лучшее место для медового месяца трудно было себе представить, если бы не одно «но»... По прибытии их встретили у дверей дворецких, домоправитель, две горничные и шеф-повар.

– Здесь только самый необходимый персонал, – небрежно заметил Джанферро.

Миллисенте было не привыкать к окружению прислуги, но по наивности она предполагала, что медовый месяц должен принадлежать только им двоим.

В гостиной уже был накрыт небольшой стол и подан чай. Милли с наслаждением сделала глоток душистого напитка, но даже не притронулась к крошечным бутербродам и легким, как перышко, пирожным, которые подали на закуску.

– Ты ничего не съешь? – огорчился Джанферро. Он надеялся, что предложенное угощение напомнит любимой Англию, поможет почувствовать себя как дома.

Увидев выражение глаз мужа, Милли взяла бутерброд с огурцом и впилась в него зубками так энергично, словно от этого зависела ее жизнь.

– Думаю, я просто немного устала, – пояснила она извиняющимся тоном. – Столько волнений за один день.

Джанферро пристально посмотрел на молодую жену.

– Тогда, может быть, сразу отправимся в спальню? – предложил он вкрадчивым тоном.

Миллисента поняла, что настал ответственный момент. Она чувствовала себя пловцом-новичком, которому без подготовки предстоит прыгнуть с самого высокого мостика. На втором этаже, в изысканно убранной спальне стояла необъятных размеров кровать. Камердинер заканчивал разбирать чемоданы.

Милли вежливо улыбнулась ему, а про себя нетерпеливо воскликнула: «Когда же мы наконец останемся одни?»

Правда, сегодня им уже представился такой случай ненадолго – когда молодожены покинули свадебный стол и поднялись в покои принца, чтобы переодеться. Там Джанферро откинул с лица вуаль Милли и прильнул к губам любимой жарким поцелуем. Милли обхватила его за шею руками, ротик ее приоткрылся, а из груди вырвались тихие стоны наслаждения. Принц улыбнулся и слегка отстранил ее.

– Дорогая, – произнес он, размыкая трепетные объятия, – не сейчас. И не здесь. Наш отъезд расписан по минутам. Машина должна покинуть дворец через полчаса. После этого репортеры смогут разъехаться по своим редакциям и сдать статьи в номер. Да и гостям нельзя отбыть, пока мы здесь. Не можем же мы, в самом деле, заставлять президентов и премьер-министров ждать, пока я буду развлекаться с молодой женой!

Милли покраснела.

– Ну, конечно. Какая я все-таки глупая!

– Не волнуйся. Ты оскоишь постепенно эти тонкости, – заверил он, приподнимая ее лицо за подбородок. – Мы еще наведемся свое в спальне, дорогая. Я не хочу, чтобы наш первый раз произошел в такой спешке...

Лицо девушки стало совершенно пунцовым от смущения. Она повернулась спиной к мужу. Было так странно стоять посреди великолепной комнаты в белом подвенечном платье.

– Ты... не можешь мне расстегнуть молнию? – робко попросила она.

Джанферро открыл было рот, чтобы позвать новую горничную своей жены, но передумал и сам выполнил просьбу. Белый атлас разошелся на спине Милли, открыв край прозрачных кружевных трусиков и необыкновенно тонкую талию. Принц судорожно сглотнул, пытаясь подавить нахлынувшую волну желания, и стал расстегивать на себе китель.

– Ну вот, – произнес он охрипшим от волнения голосом, – дальше ты справишься сама.

Оставшись в одном только нижнем белье, Милли опрометью бросилась в ванную комнату. Включив воду, она сняла бриллиантовую диадему и распустила волосы. Потом тщательно смыла макияж, который вызвал такое раздражение у Джанферро, и только после этого надела платье и шляпку.

– Ну что, теперь лучше? – спросила она, выходя из ванной.

На лице принца медленно расплылась довольная улыбка. Милли необыкновенно шел ее новый наряд: платье из розового атласа, кремовые туфли и того же цвета шляпа с большими полями, украшенная алыми шелковыми розами, которые выглядели совсем как живые. Блестящие белокурые волосы рассыпались по плечам великолепным водопадом, обрамляя нежное девичье

лицо. Она была похожа на красавицу, сошедшую со страниц старинной книги.

– Как ты прекрасна, – одобрил Джанферро, несколько раз хлопнув в ладоши. – Моя восхитительная, нетронутая английская роза!

Милли вздохнула с облегчением и улыбнулась в ответ.

Братья Джанферро украсили машину новобрачных воздушными шарами, а принцесса Люси написала ярко-красной помадой слово «молодожены» на капоте их шикарного авто с открытым верхом.

Но они ехали не одни: как только молодые тронулись в путь, за ними, стараясь не бросаться в глаза, последовал другой автомобиль – с охранниками. Миллисента надеялась, что сопровождение нужно только для проезда мимо ликующей толпы, но на окраине столицы заметила, что машина сопровождения не снижает скорость.

– Они что, так и будут ехать за нами? – спросила она.

– Разумеется, – ответил Джанферро после короткой паузы.

– Ты что, серьезно? – глаза девушки расширились от удивления.

– Это мои телохранители, Милли, – спокойно пояснил он, – и следуют за мной повсюду, куда я иду.

– Даже в спальню?

Если бы не напряжение прошедшего дня, она, конечно, вряд ли бы задала такой неосторожный и неделикатный вопрос.

Губы принца сурово сжались. Он не любил подобных шуток, поэтому ответил холодно:

– Конечно, нет.

Милли внутренне сжалась. Другой бы на его месте скрыл раздражение, но только не кронпринц Мардивино, будущий правитель страны, привыкший к тому, что окружающие всегда с ним соглашались, стараются угадать каждое его желание. Стоит ли ожидать от такого человека снисходительности? И справится ли она, Миллисента, с ролью его жены, не имея никакого опыта общения с мужчинами?

Хотя, может, это и к лучшему: в ее душе, как на чистой грифельной доске, Джанферро мог написать то, что захочет. Милли была чиста и невинна, у нее не было постыдных тайн, внезапное разоблачение которых могло бы омрачить их совместное будущее. Ее не испугают ни холодность, ни отчужденность мужа. Милли чувствовала уверенность, что сумеет найти способ преодолеть любые препятствия. И если на узкой дорожке их семейного, счастья попадется камень, она просто перешагнет – и пойдет дальше!

Миллисента улыбнулась собственным мыслям и с удовольствием огляделась кругом. Роскошная спальня молодоженов была уставлена розами и лилиями в драгоценных вазах, чей восхитительный аромат наполнял воздух.

– Так-то лучше, – произнес принц, с одобрением глядя на молодую жену. В это время слуга закончил разбирать чемоданы и тихо вышел из комнаты. На губах Джанферро заиграла лукавая улыбка. – Чем бы ты хотела заняться теперь? – вкрадчивым тоном спросил он.

Милли залилась румянцем, не смея признаться вслух, что больше всего на свете мечтает вновь оказаться в его объятиях. К тому же он знала, что в любую минуту может войти другой слуга, или неожиданно выяснится, что дворцовый этикет требует их присутствия где-то еще.

– Не имею ни малейшего понятия.

Джанферро взял ее за плечи. В его темных бархатных глазах поблескивали игривые огоньки.

– Ты в самом деле не знаешь? Милли, я смертельно разочарован! – Он медленно нагнулся и нежно коснулся ее губ, даря красавице легкий, почти воздушный поцелуй.

У Милли перехватило дыхание от восторга.

– О, да, да. Как долго я ждала!

Она прильнула к любимому всем телом, блаженно закрыла глаза и позволила себе раствориться в собственных ощущениях.

– Может быть, закроем ставни?

От неожиданности Миллисента снова открыла глаза.

– Но... как же твои охранники? Ты думаешь, они не догадаются, чем мы занимаемся?

Джанферро любовно провел рукой по ее белокурым волосам.

– Для того чтобы обеспечить мне защиту от внешней угрозы, охранники всегда должны

быть поблизости, – терпеливо стал объяснять он. – Но, с другой стороны, их статус предполагает знание этикета и умение прикинуться глухонемыми, если это необходимо. Мы не можем себе позволить то, что нормально для других молодоженов – например, заниматься любовью под шум волн на каком-нибудь пустынном пляже. – Джанферро улыбнулся, поймав испуганный взгляд Милли. – Зато мы можем воплотить в жизнь любую фантазию, осуществимую в пределах нашей спальни. Я надеюсь, что смогу унести тебя в заоблачные дали, не переступая порога этого дома.

Его обещание, словно взмах волшебной палочки, пробудили самые смелые мечты, которые не оставляли Милли с момента их первого поцелуя в конюшне.

– Ты научишь меня этому?

Никогда в жизни разговор с женщиной не заводил его сильнее, чем этот невинный вопрос. Джанферро почувствовал, как возбуждение нарастает внутри, заставляя сердце чаще биться.

– О, да, – прошептал он, пропуская пальцы сквозь шелковые золотистые локоны. – К концу нашего медового месяца, Милли, ты будешь знать больше, чем самая опытная парижская куртизанка.

Бывали моменты – как теперь, например, – когда слова любимого пугали Миллисенту. В них слышался скрытый намек на его бурное прошлое и ее собственную неискушенность. Она понимала, что нельзя изображать из себя маленького послушного щенка в руках умелого дрессировщика.

– Довольно разговоров, – настойчиво произнесла девушка. – Лучше поцелуй меня. И обними крепче.

Контраст между неопытностью возлюбленной и ее страстностью возбуждал Джанферро невероятным образом. Слегка наклонив голову, он прильнул к губам Милли долгим поцелуем, о котором так давно мечтал.

Губы Милли сами раскрылись под мощным напором, как цветок под лучами солнца, а нежный маленький язычок неосознанно пустился в захватывающее путешествие по ранее запретной территории.

Джанферро осторожно скользнул ладонями по груди девушки, чувствуя, как мягкие купола мгновенно напряглись, а соски заострились. Он стал поглаживать эти трепещущие кончики сквозь ткань платья. Ее робкие стоны наслаждения ласкали слух лучше самой – прекрасной музыки, поэтому принцу стоило немало усилий, чтобы удержаться и не сорвать платье с возлюбленной. Но он вовремя остановил себя. Первый раз особенно важен – ведь именно тогда закладывается отношение к сексу на всю жизнь. Они оба так долго ждали, их терпение заслуживает более высокой награды, чем можно получить теперь.

Принц провел ладонями по узким бедрам Милли. Она вздрогнула, и это заставило его улыбнуться ленивой улыбкой привыкшего к победам сексуального хищника.

А Миллисента уже не могла ни говорить, ни даже думать: ее сердце бешено стучало в груди, а тело готово было расплавиться от неопишемого, ни с чем не сравнимого восторга.

Уверенным, привычным движением Джанферро снял с любимой нежно-розовый наряд и отбросил его в сторону. Затем отодвинулся немного назад и смерил ее оценивающим взглядом знатока, осматривающего дорогую картину.

Оставшись в одном полупрозрачном кружевном белье, Милли, к собственному удивлению, не испытала ни малейшего стыда. Напротив, глядя в потемневшие от страсти глаза мужа, она почувствовала неведомое ранее наслаждение своею властью над ним.

Когда-то давно инстинкт помог Миллисенте стать бесстрашной и опытной наездницей – теперь ей предстояло также интуитивно научиться искусству любви. Она приподняла волосы с обеих сторон, словно собирая копны золотистой пшеницы, при этом слегка качнула бедрами и расправила плечи, отчего грудь в кружевах бюстгальтера стала еще более соблазнительной. Джанферро судорожно выдохнул:

– Ты прекрасна. Такая невинная – о чем еще может мечтать мужчина?

Милли постаралась отбросить неприятную мысль о том, что невинность – ее единственное достоинство, заставляющее карие глаза мужа загораться страстным огнем. Заявить о себе как о самостоятельной личности можно будет и позже, а пока предстояло справиться с упрямыми пуговицами на его рубашке.

Никогда в жизни не видела Милли такого роскошного мужского торса: нежная оливковая кожа, покрытая темными волосками, упруго обтягивала крепкие стальные мышцы. Девушка ос-

торожно коснулась пальчиком сосков на мощной груди и подняла взгляд.

– Пойдем, – хрипло произнес Джанферро. – Я больше не могу ждать.

Он подхватил любимую на руки и перенес на широкую кровать, после чего скинул с себя расстегнутую рубашку, обнажив широкие плечи. С замиранием сердца Милли следила за тем, как муж взялся за молнию на брюках. На мгновение она даже зажмурилась.

– Посмотри на меня, дорогая, – мягко, но настойчиво произнес Джанферро. – Не бойся того, что увидишь: ведь ты знаешь, что мужчина и женщина созданы друг для друга. Все будет хорошо, – добавил он с легкой иронией, – поскольку я так приказываю, а ты должна во всем меня слушаться!

Миллисента рассмеялась, и муж привлек ее в свои объятия:

– Вот так-то лучше. Нам некуда спешить. Теперь время работает на нас, моя дорогая.

Джанферро не привык сдерживать себя в спальне, ведь всю жизнь женщины стремились исполнить любой его каприз, привлеченные красотой мускулистого тела и престижным званием любовницы принца.

Но с Миллисентой все оказалось иначе. Она была его женой и – девственницей. С ней необходимо быть очень осторожным, чтобы не обидеть, не разочаровать юную прелестницу.

Милли ждала, что вот-вот все произойдет... Но муж снова начал целовать ее, заставляя тревоги и опасения раствориться в этих страстных ласках. Девушка трепетала от малейшего прикосновения: Джанферро, как художник, рисовал красками страсти на холсте ее тела, избегая лишь одного места, где она больше всего ожидала движения его «кисти».

Она осторожно провела рукой по шелковистой коже любимого, ощутила стальную упругость крепких мышц, скользнула ниже и – остановилась, не решаясь коснуться горячей, пульсирующей плоти.

Джанферро улыбнулся и слегка отстранился от нее:

– Все в порядке, Милли, я и сам не хотел, чтобы ты ласкала меня там.

То, что он догадался, сбilo ее с толку.

– Не хочешь?

– Если ты продолжишь игру, мне не удастся распробовать тебя по-настоящему.

– Но ведь я – не бифштекс на твоей тарелке, чтобы меня пробовать! – возмутилась она.

– Вот здесь ты не совсем права.

У Джанферро было сильное желание доказать любимой прямо сейчас, как сильно она ошибается. Но голос опыта подсказывал, что первый раз должен быть достаточно простым, чтобы потом, постепенно, раскрывать перед юной красавицей все изыски сексуальной игры.

Миллисента таяла и извивалась в его объятиях. Казалось, еще немного, и она не выдержит этой сладкой пытки. Словно сжалившись над ней, он снял с нее кружевное белье и коснулся стройных бедер, вырвав у Милли возглас восторга. Через мгновение Джанферро – уже обнаженный – сжимал в объятиях трепещущую красавицу. Слияние тел в единое целое заставило обоих сладко вскрикнуть. Но самым удивительным был их поцелуй – глубокий, проникающий, необыкновенно интимный, словно они действительно слились в одно единое существо.

Пристально вглядываясь в лицо юной супруги, Джанферро начал медленные ритмичные движения.

– Тебе не больно, дорогая?

Ответом ему была счастливая улыбка:

– О, нет, нисколько! Мне так... хорошо!

После этого никакие слова уже не были нужны: их тела двигались в едином прекрасном ритме, унося обоих в головокружительные дали. Милли чувствовала, что с каждым мгновением приближается к какому-то новому, неведомому ранее наслаждению, а Джанферро словно дразнил ее, то усиливая напор, то ослабляя. И когда до вершины оставался один-единственный шаг, Миллисента услышала голос любимого:

– Расслабься, дай волю чувствам.

В следующий миг ее окружил восхитительный водоворот, за спиной словно выросли крылья, а эмоции рвались наружу смехом, криками и радостным возгласом: «Джанферро!» Тот замер, наблюдая проявление неподдельного восторга Милли, а затем продолжил ритмичные движения. Глаза красавицы открылись, во взгляде мужа она прочла нечто такое, что заставило ее обхватить бедра любимого руками и крепче прижаться к нему.

Джанферро не заставил себя долго ждать: его тело напряглось, глаза блаженно закрылись, а голова откинулась назад. Из груди вырывались блаженные стоны, бессвязные итальянские слова, ласкавшие слух лучше самой прекрасной музыки. Наконец он открыл глаза и стал привычным Джанферро, гордым и уверенным в себе, но то восхитительное мгновение его незащищенности навсегда отпечаталось в памяти Милли. Она с удивлением спрашивала себя, все ли мужчины скрывают свою слабую, уязвимую сущность под суровым, порой даже грозным обликом? И всегда ли падение внешних покровов происходит во время занятий любовью?

– Что ты сказал? – переспросила она.

– Ничего.

– Так не честно, Джанферро! Ты пользуешься тем, что я не говорю по-итальянски, и лишаешь меня возможности понимать тебя.

– Ты так считаешь? – в его словах звучала неприкрытая ирония. – А тебе не приходило в голову, что мои слова не предназначались для женских ушек?

Такого Милли уже не могла вытерпеть.

– Возможно, я и была невинной до встречи с тобой, – заявила она с деланным протестом, – но теперь это в прошлом! Я хочу все узнать – а кто сможет лучше раскрыть мне секреты отношений между мужчиной и женщиной, чем собственный муж? – На ее губах заиграла лукавая улыбка. – Ведь я хочу доставить тебе удовольствие.

– Тебе это уже удалось. – Джанферро заключил жену в свои объятия. – Я просто выразил свой восторг и удивление – теми же словами, что и любой другой мужчина.

Милли нахмурилась, силясь понять, что он имеет в виду.

– Мы занимались любовью без презерватива, – пояснил муж. – Кажется, американцы называют это «скакать верхом без седла».

– Ты... ты хочешь сказать, что никогда раньше не занимался любовью без... – она замялась, боясь произнести это слово, такое же новое и непривычное, как и недавние волшебные ощущения, – без презерватива?

– Ну конечно же, нет!

– Может, ты... боялся заразиться? – робко уточнила Милли.

– Дело не только в этом. Видишь ли, в моем семени заложена генетическая линия королевской семьи Мардивино, я не могу проливать его направо и налево!

С одной стороны, это объяснение звучало старомодно, даже несколько поэтически, а с другой – до неприличия практично, как будто Милли была чистым сосудом для хранения королевских генов, и только. Девушка обиженно закусил губу. Только сейчас она вспомнила, что до сих пор не поговорила с любимым о средствах предохранения. Но ведь он должен был предположить, что Милли позаботится об этом заблаговременно, как любая нормальная девушка. Прижавшись к широкой груди Джанферро, она осторожно начала:

– Тебе не кажется, что нам пора кое-что обсудить?

– До того, как я еще раз войду в тебя, или это может подождать? – прозвучал встречный вопрос, обещавший сказочные эротические переживания.

Милли вздрогнула от предвкушения и прошептала дрожащим голосом:

– Я думаю... словом, мне кажется, это может подождать.

Конечно, она не успела еще привыкнуть к этим новым удовольствиям, но все-таки уже чему-то научилась – например, не бояться обнаженного мужского тела, не дрожать от прикосновения к нему. В глазах Джанферро на мгновение возникло удивленное выражение, которое моментально сменилось блаженной дымкой, когда сладкие стоны любовников слились в унисон.

Через некоторое время принц повернулся, чтобы полюбоваться своей молодой женой. В его бархатных глазах еще сверкали отблески удовлетворенного желания, а на щеках сиял румянец. Ничто в этом точеном аристократическом лице с высокими скулами не говорило о надвигающейся грозе.

– Итак, дорогая, – проворковал он, – полагаю, ты уже беременна?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Миллисента замерла от ужаса. Ее тело словно окаменело, а мозг заработал с устрашающей скоростью.

– Ч-что ты имеешь в виду?

Принц улыбнулся.

– Я просто размышляю вслух, моя дорогая. Интересно, мой ребенок уже начал расти в твоём чреве?

– А ты хотел бы, чтобы я... уже была беременна?

– Ну, разумеется! – он слегка нахмурился. – Браки для того и заключаются, чтобы в них рождались дети. Собственно говоря, это основное предназначение семейных союзов. – Лицо принца вновь озарилось улыбкой. – Особенно в моем случае, дорогая.

Мой случай, отметила про себя Миллисента. Не *наш*. Разумеется, по некоторым вопросам их взгляды не будут совпадать. Но брак держится на компромиссах, от этого никуда не деться.

– Я просто... надеялась, что мы сначала поживем немного так... чтобы привыкнуть друг к другу, – робко пояснила Милли. – Я имею в виду, прежде чем появятся дети.

Он привлек ее в свои объятия, любовно провел рукой по пушистым белокурым волосам, спадавшим на грудь наподобие шелковистого водопада.

– Возможно, так оно и будет, – ответил он, – но в любом случае решение будем принимать не мы. Нам не дано распоряжаться зачатием ребенка по собственному усмотрению. Здесь задействованы гораздо более важные интересы.

Именно теперь настал момент все ему объяснить. Рассказать, что доктор предписал ей полгода принимать противозачаточные таблетки. Но что-то внезапно остановило Миллисенту – возможно, уверенность в том, что любимый не одобрит подобный шаг.

Воображение нарисовало картину из кинодрамы: разъяренный муж устраивает бурную сцену, после чего спускает противозачаточные таблетки в мусоропровод и, как и положено настоящему мачо, мощным движением швыряет жену на кровать. А что потом? Скорее всего, она забеременеет. Возможно, даже в ту же ночь.

Она попыталась представить себя с огромным животом, и ее сердце наполнилось ужасом. Ведь все так хорошо начиналось: Мардивино, жизнь с молодым мужем, сказочная роль принцессы. Беременность в эту идиллическую картинку никак не вписывалась.

Милли решила действовать осторожно, постепенно приучая Джанферро принимать во внимание и ее точку зрения.

– Представь, как было бы хорошо пожить немного для себя, – сладко проворковала она. – Ты так не считаешь?

Придется еще многому научить ее, подумал принц. Неужели она считает, что мы можем позволить себе беззаботно развлекаться, наслаждаясь жизнью, как другие молодожены: любоваться друг другом от рассвета до заката, ходить вместе в кино, а потом обсуждать впечатления? Джанферро брезгливо поежился. Даже если бы его положение кронпринца не исключало такую возможность, он все равно всеми силами старался бы избегать подобной жизни.

– Для этого и придуман медовый месяц, дорогая.

– Но наш медовый месяц на самом деле состоит всего лишь из двух недель! – возразила Миллисента.

– Я веду очень напряженную жизнь, Милли.

– А я хочу облегчить ее!

Принцу потребовалось немало усилий, чтобы удержаться от объяснений, насколько наивны подобные желания. Конечно, для него привычнее было отдавать приказы и поступать в соответствии со своими собственными желаниями, а уж остальные пусть думают, как исполнить высочайшее повеление наилучшим образом. Но, с другой стороны, в супружеской жизни необходимы такт и дипломатия, чтобы сгладить острые углы.

– Вот ты и облегчишь мне жизнь, – заявил он, – став матерью моих детей.

– И это все? – осторожно поинтересовалась Милли.

– Конечно, нет, – ласково ответил он. – Тебя ожидают еще много сюрпризов в твоей новой жизни.

Девушка вздохнула с облегчением.

– В самом деле?

– Да. Тебе не придется быть привязанной к детям – за ними, как и за тобой в детстве, будут присматривать няни, воспитатели, словом, целый персонал.

Но Милли мало порадовала перспектива переложить воспитание собственных детей на чу-

жих людей. Она вспомнила короткий период учебы в начальной школе, прежде чем ее отослали в пансион. Милли до сих пор не забыла то острое чувство зависти, которое испытывала к своим одноклассницам, когда тех встречали мамы у школьных ворот, а ее – чопорные няни с непроницаемыми лицами или суровые гувернантки. Еще невыносимей было слушать рассказы подружек о том, как мамы кормили их домашними пирогами, а отцы играли с ними, учили плавать и лазить по деревьям. Сама Миллисента видела родителей только перед сном, когда приходила пожелать им спокойной ночи, да и это удавалось не всегда. Неужели Джанферро захочет лишиться своих наследников родительского тепла, которого самому наверняка не хватало в детстве?

– Нам неплохо и самим побольше общаться с собственными чадами, как ты считаешь? – произнесла она с нежностью в голосе.

Джанферро поцеловал жену в носик.

– Боюсь, это будет не только невозможно, но и нежелательно. наших детей будут воспитывать так же, как и других королевских наследников. Тебе же придется возглавить работу множества благотворительных организаций. Так что не волнуйся, крошка Милли, без дела ты сидеть не будешь.

Последняя фраза больно царапнула Миллисенту. «Не сидеть без дела». Похоже, ее собственное время тоже распланировано заранее и ей не принадлежит.

– Понятно, – только и ответила она. Джанферро нахмурился. Как все-таки требовательны женщины! – подумал он. Даже такая юная и неиспорченная, как Милли, стремится занять определенное место в его жизни.

– Да, чуть не забыл... – произнес он с видом фокусника, достающего кролика из цилиндра. – Надеюсь, тебя не разочарует твоя новая лошадь.

Девушка непонимающе посмотрела на него.

– Моя лошадь?

Губы мужа расплылись в самодовольной улыбке.

– Поначалу это планировалось как сюрприз, но, видя твое разочарование, я решил раскрыть карты. Через несколько дней мы отправимся посмотреть мои конюшни – кстати, заметь, они считаются одними из лучших в мире.

– Да, я много слышала о них, – слабым голосом вставила Милли.

– Там ты сама выберешь свой подарок и сможешь заниматься верховой ездой в Радужном Дворце.

Принц взглянул в лицо жены, но не заметил в нем той реакции, на которую рассчитывал. Но ведь Миллисента любит лошадей – так почему же она не бросается ему на шею, не благодарит со слезами радости на глазах? Неужели не осознает, какая великая честь ей выпала? Известнейшие конезаводчики мира отдали бы полжизни за любого из скакунов, что собраны в королевской конюшне!

– Тебя не порадовал мой сюрприз, Милли?

Почувствовав ледяные нотки в тоне супруга, Милли постаралась загладить свою вину. Нельзя ожидать, что муж сможет сразу понять ее сомнения и страхи, а попробовать объяснить их сейчас – все равно, что просить прощения за то, чего не совершал. Ведь даже для представителей королевской семьи начало семейной жизни – серьезное испытание.

– Сказать, что я рада, – ничего не сказать. Честно говоря, я просто онемела от счастья, Джанферро!

Может, именно теперь стоит рассказать ему о таблетках? Конечно, он не дикарь какой-нибудь, а современный образованный человек. Но, с другой стороны, его желание дать Мардивино наследника вполне понятно.

– Джанферро...

– Я знаю. – Он был уверен, что угадал мысли жены. – Ты волнуешься, не повредит ли верховая езда нашему малышу. Я с тобой совершенно согласен, и как только твоя беременность подтвердится, от прогулок верхом придется на время отказаться – до тех пор, пока ты не родишь.

Миллисента слушала своего мужа, и в душе ее нарастали недоверие и паника: все распланировано заранее, в этой схеме не осталось места ни для переговоров, ни для компромиссов. «Также, как и в его характере нет такой черты, как уступчивость», – с болью отметила про себя девушка. – Принц знает, чего хочет, и добивается этого любой ценой. А мне отведена скромная роль – вынашивать его ребенка, кататься верхом, пока разрешают, и влачить жалкое существо-

вание на задворках его личного мира».

Но путь назад отрезан, бунтовать также не имеет смысла. Если необходим наследник, Милли будет счастлива стать матерью. Только не сейчас...

Душу принца переполнял восторг: ведь он не ошибся, выбрав чистую нетронутую девушку, готовую подчиняться его воле. Конечно, Джанферро придется еще многому научить юную супругу, но главное она уже поняла: решения в их семье всегда принимает муж.

Милли задохнулась от восторга, когда губы возлюбленного коснулись ее груди, а язык стал ласкать и дразнить мгновенно заострившиеся кончики. По телу прокатилась теплая волна удовольствия, а руки все сильнее сжимали сильное мускулистое тело.

Джанферро поднял голову и взглянул на нее.

– Тебе нравится, Милли? – спросил он нежным голосом.

– Это... – она задохнулась от новых, непривычно приятных ощущений, так и не успев ответить, потому что любимый уже касался губами ее живота и продолжал двигаться ниже. Через секунду острая волна наслаждения, как молния, пронзила все ее тело и вырвалась восторженным криком: «Джанферро!»

Он продолжал смаковать тело возлюбленной, словно волшебное лакомство, которым невозможно насытиться. «Как она прекрасна, – пронеслось в голове Джанферро, – сколько удовольствия доставит мне это юное создание, не знавшее других мужчин! Я слепою ее по своему вкусу, научу угадывать свои тайные желания!»

Некоторое время они еще лежали молча, потом принц зевнул и пробормотал:

– Пожалуй, пора вставать и готовиться к ужину. Милли доверчиво прильнула к нему.

– Я не голодна.

– А я – очень.

– О, – протянула она, прижимаясь еще крепче, словно в объятиях этого красавца заключался весь рай земной. – Может, мы поужинаем в постели?

– К сожалению, это невозможно, – ответил принц, размыкая ее пальчики. – Шеф-повар приготовил нечто необыкновенное в честь нашего приезда, мы просто обязаны вознаградить его за старания.

«Обязаны». Это слово, как символ новой жизни, напомнило Миллисенте о статусе жены кронпринца. Она горестно вздохнула.

– Разумеется. Как глупо, что я сама не догадалась об этом.

– Вот именно, – подтвердил Джанферро, удовлетворенно кивнув головой. – И чем раньше мы поужинаем, тем скорее можно будет отпустить прислугу. – В его голосе зазвучали нежные, дразнящие нотки, когда он пояснил: – И тем раньше мы сможем вернуться в нашу спальню!

Это обещание заставило девушку взглянуть на ситуацию совершенно с другой стороны. На мгновение она превратилась в прежнюю Милли – веселую и отчаянно беззаботную.

– Но ведь мы только и делали, что валялись в постели, – лукаво улыбнулась Миллисента.

Заметив хитрые огоньки в глазах жены, Джанферро тоже улыбнулся.

– Я знаю, – мягко произнес он, чувствуя необыкновенную легкость и спокойствие. И добавил, наклонившись к самому уху шалуньи: – Знаешь, я собираюсь еще не раз заниматься с тобой тем же самым – до ужина и после!

Одеваясь к выходу, Миллисента упорно старалась отогнать мысль о том, что она обманывает своего мужа. Но, с другой стороны, разве она поступала нечестно, действуя в их общих интересах?! К тому же мама всегда говорила, что не стоит рассказывать мужчине всю правду. Ведь загадочность добавляет женщине привлекательности...

За ужином новоиспеченную принцессу ожидало еще одно испытание. Напротив нее, за роскошно сервированным столом, сидел молодой муж – такой непроницаемо суровый и неприступный, что Милли с трудом узнавала его. Еще полчаса назад она сжимала в объятиях его обнаженное тело, ощущала внутри пульсацию его разгоряченной плоти, но сейчас, глядя на этого великосветского красавца, с трудом в это верила.

Слуги, подававшие ужин, говорили очень мало. К тому же Миллисента не понимала ни по-французски, ни по-итальянски – она вообще мало занималась языками в школе.

– *Merci*, – старательно выговорила Милли, когда дворецкий подал кофе. Как только за слугой закрылась дверь, она с отчаянием воскликнула: – О, Джанферро, мой французский ужасен!

– Это поправимо. Мы найдем тебе репетитора.

Девушка замялась.

– Я думала, что смогу пойти на курсы и учиться в группе с другими слушателями.

– В группе? – переспросил Джанферро, с надменной недоверчивостью вскинув бровь.

– Ну, я хотела сказать... – Милли смущенно повела плечом, – в языковой школе, на курсах. Ведь в Соладжое должно быть что-то в этом роде.

– Разумеется. Наша образовательная система – одна из лучших в мире. Только в твоём случае это вряд ли пригодится, – добавил он, задумчиво проводя кончиком пальца по хрустальному бокалу.

Миллисента удивленно заморгала.

– Почему?

– Это не сочетается с представлениями о королевском достоинстве, – тихо и отчетливо произнес принц.

– Ты хочешь сказать, что я должна держаться... подальше от людей?

– Не стоит так преувеличивать, дорогая. – Джанферро бросил кусочек сахара в крошечную чашку с золотым ободком и стал помешивать. Когда он поднял глаза, взгляд его был чрезвычайно серьезным. – Тебе просто нужно держаться на расстоянии вытянутой руки от своего народа. С одной стороны, ты часть его, с другой – на некотором удалении, как если бы находилась в соседней комнате. Стоит только снести разделяющую вас перегородку, и есть опасность, что крыша рухнет на голову.

Милли согласно кивнула, вновь чувствуя нарастающую тревогу. Ей предстояло еще столько узнать и запомнить. О детях, которые должны унаследовать корону, и о королевских обязанностях. А также об обязанности жены этого смуглолицего красавца, которого она тоже стремилась узнать получше. Но как это сделать, если он держится так... неприступно. Миллисента сделала глоток кофе. Надо постепенно преодолевать ту преграду, которую любимый воздвиг вокруг себя. Конечно, на это потребуется время, но Милли не намерена была отступить.

Главный вопрос заключался в том, с чего начинать. Милли взглянула мужу в лицо и с сомнением покачала головой.

– Отчего ты покраснела, Милли? – вкрадчивым тоном поинтересовался он.

– Я просто подумала...

– О чем же?

Было бы наивно пытаться объяснить Джанферро, что в постели Миллисента чувствует себя желаннейшей из женщин, а за дверями спальни уверенность в себе сразу покидает ее. Лучше не пускаться в подобные щекотливые разговоры, а воспользоваться обычной отговоркой.

– Это так необычно – родиться и вырасти на острове.

– В каком смысле?

Милли смущенно улыбнулась. У нее не было братьев, она училась в школе для девочек и поэтому с трудом могла подобрать тему для разговора с мужчиной. Хотя, будь ситуация иной, принц вряд ли бы сделал ей предложение.

– Расскажи, как ты ходил в школу?

– Нас с братьями обучали во дворце.

– Наверное, вы чувствовали себя ужасно... одиноко.

– Не думаю, – Джанферро приподнял бровь. – А ты, если не ошибаюсь, училась в школе-интернате? Там ведь тоже ограниченный круг общения.

– По крайней мере, рядом было много других девочек. – Минуту Милли сидела потупившись, глядя в чашку с остывающим кофе, потом снова взглянула мужу в глаза, но ничего не смогла прочесть в его взгляде. – А тебе никогда не хотелось пообщаться с кем-то, кроме твоих братьев?

Изолированность от других была неотъемлемой частью статуса кронпринца. Даже в детстве он в основном находился рядом с отцом и гораздо реже с братьями – так его готовили к предстоящей великой миссии.

– У меня не было недостатка в общении, – беззаботно заметил он. – Когда мы были маленькими, друзья приходили поиграть с нами. Мы вместе учились плавать и кататься верхом.

Джанферро решил не добавлять, что друзья его детства все принадлежали к самым знатым аристократическим фамилиям Мардивино, а пообщаться с народом можно было только во время церемонии вручения какой-нибудь премии или открытия новой школы.

Миллисента мечтала добиться его подлинного доверия, а не просто формального ответа на свои вопросы. Пусть расскажет о своем детстве, об истории Мардивино.

– Должно быть, это было... – девушка с трудом подбирала слова, – ужасно, когда умерла твоя мама.

По его лицу пробежала судорога. Он не хотел, чтобы Миллисента касалась подобных болезненных тем. Время лечит любые раны, но эта была слишком глубока.

– В данном случае я вел себя так же, как любой ребенок, который теряет мать, – сухо ответил Джанферро. – Титул принца отнюдь не помогает легче переносить боль...

Но этот титул заставляет скрывать свои страдания, мысленно добавила за него Милли, нежно накрыв рукой его ладонь. Нежная девичья кожа казалась еще бледнее на темно-оливковом фоне, а обручальные кольца поблескивали в свете свечей.

– Войдите! – крикнул принц повелительным тоном.

На пороге возник граф Алессо, и настроение Миллисенты моментально упало. Она надеялась, что хотя бы в медовый месяц им позволят побыть вдвоем.

Прекрасное лицо итальянского аристократа выражало почти невыносимое напряжение. Джанферро мгновенно вскочил с места и спросил по-французски:

– В чем дело?

Что-то подсказало Милли, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

– Король умер, – произнес Алессо, не в силах скрыть своего горя.

Слова секретаря, словно каменная глыба, придавили принца, и ему потребовалось несколько бесконечно долгих мгновений, чтобы прийти в себя.

– Да здравствует король!

Алессо упал на колени перед Джанферро и почтительно поцеловал его руку. В эту минуту наследник трона осознал, сколько переменилось в его судьбе. Друг детства, с которым они так много времени проводили вместе, уже никогда не будет прежним. Жизнь начала новый отсчет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Алессо поклонился Миллисенте, почтительно взял ее руку и поднес к губам.

– Моя королева, – произнес он проникновенным тоном.

Милли сидела, словно окаменев, в отчаянии глядя на Джанферро. Она вспомнила, как пять лет назад умер ее собственный отец. Хотя они давно уже не были особенно близки, Милли показалось, что часть ее самой утеряна безвозвратно. Что же должен чувствовать Джанферро, оставшись без обоих родителей? На кого ему надеяться, кроме собственной жены? Она нежно коснулась рукой щеки возлюбленного и прошептала:

– Джанферро, мне так жаль. Прими мои соболезнования.

Он вздрогнул и посмотрел на нее, очнувшись от глубокой задумчивости. В голове промелькнула тревожная мысль: только бы она не расплакалась.

Ведь Милли едва знала старого короля, и ее задача теперь была утешать свой народ, который ожидает от молодой королевы твердости и достоинства.

– Спасибо, – сухо ответил Джанферро. – Но сейчас важнее, чтобы дело моего отца было продолжено. Он прожил долгую и насыщенную жизнь. Горечь утраты не должна заслонить гордость за его достижения. А тебе придется оказывать поддержку окружающим. Ну а теперь нам пора возвращаться в столицу.

После этого все завертелось вокруг нее, словно в гигантском калейдоскопе. События сменяли друг друга в четкой последовательности. К смерти монарха всегда готовятся задолго, даже если он молод, а отцу Джанферро было немало лет.

Молодому королю пришлось постоянно говорить по телефону, принимая соболезнования, поэтому рекомендации по поводу траурного одеяния Миллисенте давал Алессо. Обычные невесты не берут с собой в свадебное путешествие черное платье, но, как оказалось, для молодой принцессы это необходимо. Как объяснил Джанферро возлюбленной еще до свадьбы, королевские особы всегда имеют в своем багаже одежду для печального случая. Но девушке и в голову не могло прийти, что это действительно пригодится.

Машина сбавила скорость только у въезда в столицу. У Милли перехватило дыхание при виде того, как преобразился город за столь короткий период. С улиц исчезли цветы, флаги и ат-

мосфера всеобщего ликования, которая царила здесь в день королевской свадьбы. Люди не скрывали слез, а фасады зданий были затянуты траурными полотнами.

У входа во дворец их ожидали, выстроившись в ряд, высшие придворные сановники. На их бледных лицах застыло скорбное выражение. Когда машина остановилась, Джанферро повернулся к молодой жене.

Тревожные мысли путались в голове у Миллисенты. Неужели она, которая боялась думать даже о роли принцессы, вдруг становится королевой?

Неожиданно раздался голос Джанферро, тихий и какой-то безжизненный:

– Сейчас мы примем соболезнования, после этого ты отправишься в королевские покои. Я присоединюсь к тебе, как только смогу.

Словно во сне, Миллисента шла следом за мужем, а члены двора почтительно кланялись сначала королю, потом королеве.

Оказавшись на своей половине, она сняла черную шляпу и с беспокойством оглядела незнакомую обстановку. Что же теперь делать? Эта роскошная опочивальня – словно необитаемый остров, где не с кем даже слово молвить.

В комнату вошли две ее золовки и склонились перед новоиспеченной королевой в глубоком реверансе.

– Пожалуйста, не надо, вы не должны этого делать.

– Напротив, мы должны, Ваше Величество, – ответила та, что повыше, едва сдерживая рыдания. – Таков дворцовый этикет.

Миллисенте резануло слух непривычное обращение. Особенно было странно слышать его от своих ровесниц. Элла и Люси, обе англичанки, были искренне огорчены смертью короля.

– О бедный, бедный Гвидо! – простонала Люси. – Как он корит себя теперь за то, что так долго прожил вдали от Мардивино!

– И Нико тоже, – печально добавила Элла. – Он говорит, что, если бы не занимался такими опасными видами спорта и не доставлял своему отцу столько волнений, король мог бы прожить подольше!

– Но ведь он был уже пожилым человеком, – мягко возразила Милли. – И к тому же долго болел.

Обе девушки внимательно посмотрели на нее.

– Королева-мать умерла, когда сыновья были еще очень маленькими, – возразила Люси, всхлипывая. – И у них остался только отец.

Миллисента уже пожалела, что открыла рот. Она всего лишь хотела утешить принцесс, а теперь они могут подумать, что их новая родственница в душе черствая и бездушная.

Разница в статусе трех молодых женщин делала невозможным сближение между ними.

– Мне очень, очень жаль, – произнесла Милли, сама не до конца понимая, о чем сожалеет. О своей неспособности заплакать в такой момент? Или о невозможности подружиться с девушками, с которыми у нее должно быть так много общего?

* * *

Похороны проходили в том же соборе, где еще недавно состоялось венчание, но за эти дни все здесь разительно изменилось. Радостная пестрота сменилась траурным однообразием. К моменту, когда уехал последний высокопоставленный гость, Милли уже ног под собой не чувствовала. Во время отпевания она находилась рядом с мужем, но после ей ни разу не удалось пробиться к нему сквозь огромную толпу.

Наконец Милли добралась до своих покоев, скинула черный костюм и шляпу и долго отмокала в пенной ванне. Вернувшись в спальню, она выдвинула ящик с изысканным шелковым бельем ручной работы и долго изучала его содержимое. Затем закрыла шкаф: ей показалось непристойным надевать соблазнительные кружева, когда дворец погружен в траур. Медовый месяц завершился, едва успев начаться.

Должно быть, она задремала, потому что не сразу услышала тихие шаги в комнате. Милли открыла глаза и, немного привыкнув к темноте, заметила у кровати силуэт мужа.

– Джанферро? – сонно спросила она.

– Конечно, я, кто же еще? – Его голос звучал хрипло и надломленно, словно кто-то прово-

дил железкой по асфальту.

Джанферро повел плечами, разминая затекшую шею. Весь день наследник трона провел как на автопилоте, ведь он, так же как и любой царедворец, в точности знал, что и как нужно делать согласно этикету. А теперь его отец покоится в могиле, а у сына на душе... пустота, полное отсутствие каких-либо эмоций.

– Джанферро?

Голос юной супруги звучал нежно и ласково, однако сейчас королю хотелось остаться наедине со своими мыслями, разобраться, отсеять все лишнее. В такой ситуации даже красавица-жена может стать помехой.

– Спи, – сурово отрезал он.

Но у Милли были другие планы. За прошедшие дни ей успело надоесть, что с ее мнением никто не считается. Она села в кровати и включила свет. При взгляде на нее Джанферро судорожно сглотнул. Возможно, его шокировало, что жена легла спать обнаженной? Может быть, одно из негласных правил траура по монарху гласит, что даже в постели нужно быть одетым в черное?

Молодой король стоял посреди комнаты в одних брюках и накрахмаленной белой рубашке с расстегнутым воротом. В полумраке его точеный профиль выглядел как на многочисленных парадных портретах, украшавших коридоры дворца.

Король умер – да здравствует король!

– Джанферро? – снова тихо окликнула Миллисента.

– Да, Милли?

Джанферро силился понять, почему, когда его чувства, казалось, умерли, оставив в груди безжизненную пустыню, этот ласковый голос пробуждает столь сильное желание, что оно отдается во всем теле жаркой волной.

А в Миллисенте ответ мужа, такой простой и дружеский, вызвал целый каскад нежности и сострадания. Она раскрыла объятия и позвала:

– Иди ко мне.

Джанферро не мог больше сопротивляться собственным желаниям. Он бросился к ней, чувствуя, как невероятное напряжение покидает его измученное тело.

Милли понимала, что ему сейчас нужен был не секс, а любовь, нежность и утешение. Он вновь стал просто Джанферро – не молодым повелителем большой страны, а всего лишь обыкновенным человеком, потерявшим любимого отца.

В нежных объятиях красавицы-жены он забыл о времени, о тяжком бремени власти, упавшем на него. А Миллисента ласкала любимого, повинаясь вековому женскому инстинкту, снимая усталость своими тонкими деликатными пальчиками.

Затем она мягко скользнула ладонью ниже и не встретила никакого сопротивления, растягивая его рубашку. Голова мужа покоилась на ее плече – казалось, ему не хватает сил, чтобы пошевелиться.

Миллисента наклонилась и поцеловала мужа в щеку. Он сделал глубокий вдох, будто расставаясь со всеми накопившимися за день проблемами, поднял голову и посмотрел на свою молодую жену. В ее глазах читались трогательная забота, робость и в то же время неутолимое желание.

От этого взгляда как будто плотина прорвалась в груди Джанферро, и всепобеждающая страсть захватила его в свой мощный водоворот. Дрожащими от нетерпения руками он сорвал с себя оставшуюся одежду, и взгляду Милли предстало недвусмысленное доказательство силы его возбуждения.

Несколько мгновений спустя Милли стонала и извивалась в его объятиях, мечтая лишь об одном – ощутить жар этого великолепного мускулистого тела внутри себя, вызвать ответный стон наслаждения, вновь одержать сладкую победу над Джанферро, победу слабого над сильным.

И уже в следующий момент одним мощным движением он проник внутрь ее трепещущей плоти. Джанферро был великодушным любовником, поэтому заставил себя сконцентрироваться на удовольствии любимой.

Он увидел, как Милли выгнулась в сладостном экстазе, и дал волю давно прорывавшемуся огню с таким наслаждением, словно ждал этого момента всю свою жизнь. Обычно он занимался

любовью молча, но сегодня не смог сдержать сдавленный, хриплый стон, будто пленник, сбросивший свои оковы после многолетней неволи.

Никогда в жизни он не испытывал такого острого удовольствия, которое лишает последних сил. Это сладкое измождение вызвало непривычную слабость. Открыв глаза некоторое время спустя и глядя на переливы света в хрустале люстр, он поймал себя на мысли, что жизнь может быть иногда удивительно простой и понятной, если бы только не...

Миллисента услышала, как муж тяжело вздохнул, и внимательно посмотрела на него, опираясь локтем о кровать. В ее глазах поблескивало счастливое сознание одержанной победы. Еще бы, усталый мужчина хотел спать, а она соблазнила его на искрометный секс! К тому же заставила любимого на время забыть о своем горе, утешиться в ее нежных объятиях.

– Джанферро? – окликнула Милли.

Ее голос прорезал тишину, и неожиданная мысль, как молния, поразила молодого короля. Неужели этой юной красавице удалось сломить его железную волю? И почему именно ей? Может, наивность и целомудренная чистота обладают такой притягательной силой? Или все дело в соприкосновении со смертью, когда хватаешься за любую возможность, лишь бы доказать себе, что сам еще жив?

Но подобный случай не должен повториться. Джанферро предстоят большие свершения на королевском поприще, и Милли пора учиться подчиняться его воле вместо того, чтобы делать все по-своему.

– Спи, Милли, – приказал он и закрыл глаза.

Такого она не ожидала. Ведь ей хотелось совсем немного – ощутить нежное прикосновение мужа, ласковый поцелуй и заснуть в его нежных и крепких объятиях. Но он лежит рядом такой отчужденный и неподвижный, как будто превратился в каменную скалу.

Миллисента повернулась на спину и стала смотреть в потолок, чувствуя себя одинокой и брошенной. Джанферро казался ей чужим, как будто их никогда ничто и не связывало. Милли прислушалась: его дыхание стало ровным и глубоким, похоже, супруг заснул. От досады она закусила губу, изо всех сил стараясь не расплакаться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Милли собралась с духом и тихонько окликнула:

– Джанферро?

Король оторвался от письма, поднял голову и взглянул на молодую жену, застывшую в нерешительности на пороге его кабинета. Как же она хороша! Белокурые волосы собраны в замысловатую прическу, подчеркивающую лебединую шею, а простое голубое платье соблазнительно облегает изящную фигурку и длинные стройные ноги. Две нежные ножки, что так ловко обхватывали вчера вечером его обнаженные бедра...

– Что ты хотела, дорогая?

– У тебя не найдется минутки для меня?

Едва заметная гримаса неудовольствия пробежала по лицу короля. Миллисенте уже пора научиться понимать, насколько дорого его время.

– Что ты задумала?

Как бы ей хотелось рассказать любимому о щемящем чувстве одиночества! Но Милли не смела говорить о своих проблемах – у Джанферро было слишком много дел, чтобы заниматься подобными мелочами.

Наверное, со стороны ее переживания показались бы надуманными. Разве можно чувствовать себя несчастной с таким красавцем-мужем, да еще живя во дворце и имея все, о чем другие могут только мечтать? Правда, эти другие не знают, что часто сами мечты оказываются гораздо привлекательнее, чем их воплощение.

– Я хочу покрыть все твоё роскошное тело драгоценными камнями, – прошептал как-то раз Джанферро, когда они занимались любовью.

– Но я не люблю украшения! – возразила Милли.

– Вот как? – удивился он, и в его глазах заплясали лукавые огоньки. – Тогда, может быть, мне стоит полюбить их за тебя, дорогая? Я подарю тебе сапфир размером с голубиное яйцо, под цвет твоих прекрасных глаз. Он будет касаться этой восхитительной упругой груди и напоми-

нать мне, как сладко прильнуть к ней губами.

Когда любимый мужчина говорит подобное, редкая женщина не растает от восторга. К тому же перспектива получить уникальную драгоценность в подарок звучала заманчиво – ведь выбирать украшение будет сам Джанферро, специально для нее.

Лучший мужчина на свете сумел пробудить в Миллисенте настоящую женщину, чувственную и раскрепощенную. Он превратил ее плоский однообразный мирок в увлекательное приключение, взял жизнь скромной девушки в свои руки и создал новую Милли – супругу правителя государства. Но в глубине души юная королева с болью создавала, что лишена самого главного – ответной любви мужа, столь же сильной, как и ее собственное чувство.

Настал торжественный день коронации. Сверкающая корона, водруженная на голову Миллисенты, казалось, весила не меньше, чем ее будущая обладательница. Правда, к этому испытанию девушка была готова – Алессо предложил Милли заранее потренироваться, походив по комнате с этим украшением на голове.

– К ношению короны необходимо привыкнуть, Ваше Королевское Величество, – пояснил граф.

Его собеседница представляла в тот момент довольно странное зрелище – в джинсах, футболке и бесценной реликвией на голове! Едва держась на ногах, Миллисента воскликнула:

– Да она же весит целую тонну!

Однако церемония прошла гладко. Газетчики писали о «восхитительной невинности» молодой королевы, сопровождая статьи фотографиями юной особы, в которой Миллисента никак не хотела узнавать себя. Она была похожа на испуганную лань с расширенными от ужаса глазами, которая только что услышала выстрелы охотничьих ружей. Ее губы были торжественно сомкнуты, как и учили. Но это выражение лица было оправданно, ведь все еще помнили похороны старого короля.

Затем начался торжественный прием во дворце, и Милли услышала, как Лулу восторженно прошептала:

– Не могу поверить, что я – сестра королевы!

Милли заметила собственное отражение в одном из посеребренных зеркал, украшавших тронный зал. На нее смотрела грациозная красавица в белом атласном платье, похожая на сифиду. Правда, со дня свадьбы она успела усвоить несколько серьезных уроков, и ее макияж теперь лишь слегка оттенял естественную красоту, не бросаясь при этом в глаза.

Кроме того, Миллисента свыклась с мыслью, что ее супруг, несмотря на все свое уважение и любовь, никогда открыто не выражает своих чувств. Такая простая фраза, как «я люблю тебя», ласкающая слух любой женщины, еще ни разу не срывалась с его уст.

Жизнь во дворце была далека от сказки, которую представляют себе простые смертные. С юного возраста Джанферро привыкал к одиночеству власти, и даже его родная мать была лишена возможности влиять на воспитание сына. Возможно, поэтому он вырос весьма суровым человеком, считающим любовь не более чем проявлением слабости характера.

Милли пыталась время от времени перейти на более душевный тон в общении с мужем, и каждый раз безрезультатно. В суженных зрачках любимого читалось: «Даже и не пытайся переступить эту черту».

И только в постели, утолив голод страсти, он иногда позволял себе на очень короткое время расслабиться. Такие моменты дарили Миллисенте новую надежду, которой, увы, не суждено было осуществиться.

А ей бы так хотелось, чтобы Джанферро рассказал, как провел свой день, о чем думал – ведь подобные разговоры питают чувства всех молодоженов. Но добиться от него откровенности было сложнее, чем выжать воду из камня...

Муж продолжал внимательно смотреть на Милли, которая по-прежнему нерешительно переминалась с ноги на ногу в дверях кабинета. Его взгляд выражал нежность и в то же время легкое раздражение – ведь королевское время дорого, и даже жене не следует забывать об этом.

– Я тебя слушаю, – повторил он.

– Помнишь, во время нашего медового месяца я сказала, что хочу изучать французский? Так вот, я хотела сказать, что передумала. По-моему, итальянский важнее.

– В самом деле? – безучастно произнес супруг.

– Ну конечно. Ведь это твой родной язык.

– Я свободно говорю на четырех, – напомнил Джанферро с легким оттенком высокомерного самолюбования.

– Однако именно его ты предпочитаешь в постели.

Глаза короля сузились. Конечно, ему нравился энтузиазм молодой жены в спальне, но с какой стати она позволяет себе отрывать его от важных государственных дел ради подобных пустяков?

– Я поговорю с Алессо, и он подберет тебе учителя.

Но нарочитая холодность ответа пробудила в Миллисенте острое желание настоять на своем. Она представила себя в одной из роскошных комнат дворца наедине с частным преподавателем, пусть даже самым лучшим, и с ужасом поняла, что по-прежнему будет находиться в изоляции.

– Но я говорила, что хочу учиться в группе с другими слушателями, – возразила она.

– На это я ответил, что такой вариант представляется мне недопустимым. Что плохого в том, чтобы заниматься здесь, дорогая?

– Иногда я чувствую себя во дворце такой... одинокой. – Миллисента заметила, что на лбу мужа появилась недовольная складка, и, боясь показаться неблагодарной эгоисткой, поспешно добавила: – Конечно, я вижу, как ты занят, но...

– И ты все еще не забеременела? – прервал ее супруг.

– Нет.

Миллисента испуганно уставилась на него. Может, действительно все дело в ребенке? Что, если впрямь взять да и забросить подальше противозачаточные таблетки – не будет ли это лучшим решением всех проблем?

– Когда ты собираешься проконсультироваться с придворным гинекологом?

Вопрос прозвучал так откровенно неромантически, что растерянность Милли мгновенно сменилась раздражением. Можно подумать, что речь идет о какой-то породистой кобыле, а не о королевской супруге!

– Мне кажется, не стоит с этим торопиться. Мы женаты всего полгода.

Джанферро отметил про себя, что в рассуждениях жены есть доля здравого смысла, и в то же время почувствовал острое разочарование, поскольку они коснулись одной из тех немногих тем, где главное слово оставалось не за королем, а за природой.

– Ну, что ж, пожалуй, ты права, – согласился он. И, примирительно улыбнувшись, поинтересовался: – Кстати, как там обстоят дела с лошадьми? Надеюсь, они не дают тебе скучать?

Для Милли были куплены две великолепные андалузские кобылы. Однако сейчас смена темы только еще сильнее разозлила ее.

– Рискую тебя удивить, но лошади не умеют разговаривать, – бросила она с вызовом.

– Однако грумы рассказывали мне, что ты беседуешь с ними как с людьми. Похоже, верховая езда вызывает у тебя не меньше энтузиазма, чем благотворительность.

Миллисента смутно догадывалась: со стороны мужа это была похвала, признание того, что она прекрасно справляется с ролью королевы, а также намек, что во дворце есть множество занятий, и поэтому не имеет смысла пытаться устроить собственную жизнь за его пределами.

– Да, а как у тебя складываются отношения с Люси и Эллой, твоими золовками? У вас должно быть немало общего, ведь они тоже родом из Англии.

Милли подумала, что различий у нее с этими двумя женщинами еще больше, поскольку у обеих уже были дети. А данный факт служил основой их более близких отношений со своими мужьями. На государственных приемах обе вели себя с подобающим достоинством, но Миллисента не раз замечала, как они обменивались мимолетными улыбками со своими возлюбленными, в то время как Джанферро никогда не позволял себе ничего подобного.

– Мне кажется, я не настолько хорошо их знаю... – задумчиво произнесла она.

– И в чем проблема? – нетерпеливо перебил Джанферро. – Пригласи их на чай, будет повод познакомиться лучше!

Его заносчивость возмутила Миллисенту, и она решила продолжать отстаивать свое право распоряжаться собственной судьбой.

– Хорошо, я так и сделаю, но, что касается изучения итальянского, я все-таки хотела бы заниматься в группе. В конце концов, кому от этого станет хуже?

Джанферро не привык, чтобы его решения обсуждались, но в то же время заметил, что, су-

дя по целеустремленному взгляду жены, она не намерена отступать.

– Просто это... слишком усложнит дело.

– Вот как?

Было понятно, что Милли пытается снова вернуться к «нормальной» жизни. И должно пройти некоторое время, прежде чем она поймет, что это совершенно невозможно. Что некоторые вещи навсегда остались за пределами королевского дворца, и возврата к ним нет.

Однако Милли сумела настоять на своем, и пару недель спустя добилась разрешения пойти на занятие по итальянскому языку в сопровождении верного Алессо.

Курсы выбирал сам королевский помощник – они проходили в помещении британского посольства. Приветствуя Миллисенту, жена посла склонилась в почтительном реверансе, не смотря на то что королева велела Алессо не объявлять о своем присутствии на занятии.

– Мне не хотелось бы привлекать к себе лишнее внимание, – примирительно пояснила она, указывая на юбку до колен и свитер простой вязки. Зима в Мардивино была теплой, в воздухе ощущалась лишь легкая прохлада.

В ответ граф лишь удивленно приподнял брови.

– Разумеется, Ваше Величество.

Милли улыбнулась.

– Не надо такой официальности. Это всего лишь занятия по итальянскому языку!

Когда новая ученица вошла в аудиторию, учитель стоял к ней спиной и писал на доске глагольные формы. Повернувшись к новой студентке, он недовольно нахмурился, откинул длинные волосы с плеч и заявил суровым тоном:

– Вы опоздали!

Милли с трудом подавила улыбку, заметив возмущенно-испуганное выражение лица супруги посла. Она едва заметно покачала головой, желая дать понять, что не надо беспокоиться, и извиняющимся тоном обратилась к преподавателю:

– Прошу прощения.

А затем быстро прошла на свободное место в конце класса.

В течение следующего часа все студенты сосредоточились на грамматических правилах и новом материале. Робкие попытки Милли произнести незнакомые слова встречали одобрительную поддержку окружающих, а она так же улыбалась, когда очередь читать доходила до товарищей. Ощущение дружеского участия незнакомых людей доставляло юной королеве невероятное удовольствие.

По окончании занятия слушатели стали выходить из класса. Пока Милли собирала книги и тетради, учитель неспешно подошел к ее парте и остановился рядом. Одетый в футболку и джинсы, он больше походил на художника, нежели на преподавателя.

– Вам понравилось занятие? – спросил он.

– Да, очень. Вы объясняете все настолько... просто!

– О, не говорите так, иначе я начну сомневаться, что из вас может получиться первая ученица в классе, – улыбнулся итальянец. Неожиданно у него на лбу возникла морщина. Так хмурятся, если пытаются вспомнить, кто находится передними. – Мы с вами не встречались раньше, синьора? Ваше лицо кажется мне необыкновенно знакомым.

Милли понимала, что настал момент сделать выбор. Нельзя сохранить инкогнито, если хочешь вести себя соответственно сану. Не только учитель, но остальные ученики не могли бесконечно оставаться в неведении, особенно когда за дверями стоит королевский телохранитель.

– Вы как две капли воды похожи на нашу новую королеву! – продолжал преподаватель.

– Ничего удивительного, ведь это я и есть.

Собеседник озадаченно присвистнул и переспросил с недоверием в голосе:

– Неужели моя студентка – королева Мардивино?!

Миллисента улыбнулась.

– А разве это что-то меняет?

– Для меня – нет. Но почему вы не пригласили преподавателя во дворец?

– Может быть, мне хотелось узнать, как живут люди вне стен королевской резиденции, – медленно ответила она.

– Птичка, вырвавшаяся из клетки? – задумчиво произнес учитель. – И вам это необходимо?

– Вы задаете нескромные вопросы!

– Но ведь вы же хотите познакомиться с жизнью вне стен дворца. А здесь люди привыкли задавать те вопросы, которые приходят им в голову. – Немного подумав, он поинтересовался: – И как же к вам следует обращаться?

– Мое имя Милли. Вот так меня и называйте.

– А я Оливьеро. – Он дружелюбно улыбнулся, и в уголках глаз у него собрались лучистые морщинки. – Я не выдам ваш секрет, Милли, хотя и не думаю, что его удастся долго сохранить в тайне. Одно могу обещать – вы вправе рассчитывать на точно такое же обращение, как и другие студенты, которым придется мириться с подобным положением дел, иначе им...

– ...укажут на дверь? – подсказала Милли.

– Ну да, именно так!

Занятия итальянским сделали ее жизнь более яркой, и юная королева принялась за дело с необыкновенным энтузиазмом, который был должным образом вознагражден.

Конечно, было бы наивно надеяться, что товарищи по группе будут долго оставаться в полном неведении. Однако они вели себя с должной почтительностью и не задавали нескромных вопросов.

Миллисента всегда уходила с занятий самой последней, потому что ей нравилось поболтать с Оливьеро. В его компании она забывала о своем королевском статусе и хохотала как обыкновенная девчонка. Подобные драгоценные минуты непринужденного общения давали возможность вспомнить прежнюю жизнь, столь сильно отличавшуюся от нынешней.

Относительная свобода продолжалась месяц, пока однажды утром Алессо не постучался в дверь королевского кабинета. Миллисента как раз проглядывала итальянскую газету. Оливьеро предупредил, что она практически ничего не поймет – и оказался прав! Но лучшим способом узнать чужой язык было знакомство со всеми его проявлениями.

– Войдите! – крикнула она.

В дверях возникла высокая фигура королевского помощника, одетого в темный костюм. На его лице не было ни тени улыбки.

Королева мельком взглянула на часы, недоумевая, с чем связан этот неурочный визит.

– До заседания в женском обществе остается еще не меньше часа, не так ли?

– Его Величество ожидает вас в опочивальне, Ваше Величество.

– В такое время? – спросила она с удивлением.

Однако вопрос был совершенно бесполезным, потому что королевский помощник все равно на него не ответил, считая первым долгом соблюдать верность Джанферро, как и в любом другом деле. Сохраняя полное молчание, царедворец провел Милли по длинному коридору, увешанному портретами королевских особ, до дверей ее спальни.

– Дальше я знаю! – попыталась пошутить она, чувствуя нараставшую внутри нервную дрожь.

– Я обещал Его Величеству, что буду лично сопровождать вас.

Ею овладел приступ страха, и к моменту, когда двери королевской опочивальни распахнулись, сердце Миллисенты стучало в бешеном ритме.

А при взгляде на Джанферро ей стало еще хуже. Лицо его потемнело от гнева – таким мужа она еще никогда не видела.

– Благодарю, Алессо, – произнес король суровым тоном.

Двери за спиной Милли закрылись.

– Похоже, нам настало время объясниться. Ты не находишь, Милли?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Она смотрела на Джанферро и не узнавала, настолько исказилось его лицо от ярости. Впервые, принца с юных лет приучали не демонстрировать эмоции, к тому же он по природе был спокойным и выдержанным. От недобрых предчувствий девушку охватила нервная дрожь.

– Что ты хочешь, чтобы я объяснила?

Ярость на лице короля сменилась ледяным презрением.

– Полно, Милли, – пугающе вкрадчивым тоном произнес он, – я не настолько глуп.

– Я знаю, но ты требуешь объяснений, а я понятия не имею, о чем идет речь!

Джанферро смотрел на жену, словно изучая ее. Миллисенте он больше всего напоминал в этот момент хищного зверя, готовящегося наброситься на свою жертву.

– Как поживает Оливьеро?

Вопрос прозвучал словно выстрел. Поначалу Милли даже не поняла, о ком идет речь, а когда вспомнила, ситуация показалась ей еще более абсурдной.

– Ты говоришь о моем преподавателе итальянского языка?

– Иными словами, о твоём любовнике.

– Ты с ума сошел, – только и могла прошептать она.

– Возможно, но в таком случае я не единственный сумасшедший. – На губах Джанферро появилась зловещая ухмылка. – Скажи, может, любовь несчастного преподавателя повышает твою самооценку?

Миллисента была совершенно сбита с толку.

– Оливьеро – не «несчастный», напротив, он прекрасный специалист.

– Неудивительно, что ты защищаешь его с таким жаром!

Милли показалось, что кто-то взорвал изнутри ее хрупкий мир, причем совершенно непонятно, из каких побуждений.

– Пожалуйста, объясни мне, что все-таки происходит? – мягко попросила она.

Несмотря на приступ небывалого раздражения, Джанферро заметил в лице жены только удивление, и ничего больше. Либо ей действительно нечего было скрывать, либо она оказалась слишком хорошей актрисой.

– Сегодня утром издатель «Мардивино Таймс» позвонил Алессо, чтобы узнать, не согласится ли кто-нибудь во дворце прокомментировать слухи по поводу моей супруги, которые распространяются по столице.

– С-слухи? Но о чем?

Острый приступ ревности, доходящей до бешенства, вновь охватил его при взгляде на записку своего помощника, лежавшую на столе.

– Как оказалось, у тебя сложились чрезвычайно близкие отношения с – я цитирую – «чрезвычайно привлекательным молодым итальянцем». – Он поднял глаза – у Миллисенты дрожали губы, но сердце сурового судьи это не разжалобило. – Итак, что ты теперь на это скажешь?

Обвинение было настолько несправедливым и необоснованным, что первым желанием Милли было послать мужа к черту и уйти, хлопнув дверью. Но она не могла позволить себе ничего подобного, и не только потому, что такое поведение несовместимо со статусом королевы. Просто любящие супруги должны иначе решать свои внутрисемейные проблемы.

– Все было совсем по-другому! Он просто... отнесся ко мне по-дружески.

– Еще бы! – прозвучал презрительный комментарий.

– Джанферро, пожалуйста, перестань.

Но ревнивого мужа не так-то просто остановить, особенно когда его несет, словно автомобиль без тормозов.

– Так, значит, ты не отрицаешь, что после каждого занятия задерживалась, чтобы остаться с ним наедине? – продолжал он допрашивать Милли, буравя ее взглядом.

– Зависит от того, как посмотреть. Но в любом случае это вовсе не означает, что...

– Только ты и он? И больше никого рядом не было?

Начни Миллисента отрицать этот факт, ее моментально уличили бы во лжи – ведь Джанферро наверняка уже успел допросить телохранителя.

– Ну, да, так. Но ведь ничего не произошло.

– Пока.

– Как ты смеешь?

– Нет, Милли, – мрачно возразил супруг. – Как *ты* смеешь? Как ты можешь поступать так безрассудно, так наивно?

– А разве не поэтому ты на мне женился? – парировала она. – Мне казалось, именно этим я тебе и понравилась!

Муж уже начинал ей верить, но не собирался мириться с подобным поведением.

– Тебе лучше сесть, – мрачно произнес он.

– Я не хочу садиться. В особенности когда со мною обращаются как с непослушным ребенком.

– А ты не подумала о том, что люди уже начали обсуждать твою историю? Разве ты не знаешь, как быстро распространяются сплетни, особенно когда они касаются знаменитостей?

– Как же быстро ты веришь этим глупым домыслам!

– Тогда докажи, что они безосновательны.

Оправдываться, будучи совершенно невиновной? А может, лучше рассказать ревнивому супругу, почему Оливьеро стал для нее необходим, как глоток свежего воздуха после сухой официальной атмосферы дворца?

– Он помог мне почувствовать себя собой.

– Только не надо говорить загадками. Выражайся конкретнее.

– Понимаешь, он видит во мне обыкновенного человека, просто Милли, а не королеву Мардивино. Поначалу он даже не понял, с кем имеет дело.

– Нет, ты в самом деле наивна. Разумеется, не понять было невозможно! Да весь класс знал правду. Или, возможно, ты считаешь, что кто-то не заметил королевский герб на твоей машине? А также присутствия телохранителя у дверей аудитории и супруги британского посла на занятии? Не говоря уже о том, что люди не могли не узнать тебя по фотографиям.

– Даже если они все знали с самого начала, что это меняет? На их отношении ко мне мой статус никак не отразился.

– Какая же ты глупышка, Милли! А от кого, по-твоему, я все узнал?

Она потрясенно смотрела на мужа.

– От телохранителя, наверное.

– Вовсе нет! Итальянец сам поведал об этом! – резко выпалил он. – Через газету! Он предлагал свою историю разным изданиям, ища, кто больше заплатит!

– Но ведь истории никакой не было! – продолжала возмущаться Миллисента.

В ее глазах отражалась неподдельная боль, и Джанферро испытал угрызения совести, ведь ему предстояло раскрыть любимой всю правду.

– Возможно, ты права, – произнес он суровым тоном. – Однако даже то, что все-таки было, весьма заинтересовало главного редактора, а именно «интимная дружба, возникшая в процессе...»

Миллисента обессилено прикрыла глаза ладонями.

– Дружба? Да, допустим, но интимная? Хотя это можно назвать и так, если человек дает тебе почувствовать то, чего лишают другие.

Муж вздрогнул, поняв, что камень направлен прежде всего в его огород, и тихо спросил:

– Что ты имеешь в виду?

– С ним я была... как все, понимаешь?

– Но ты не можешь себе позволить быть как все, Милли. И ты никогда не была такой.

Это напоминало разговор со взрослым, который объясняет, что Дед Мороз на самом деле не существует – печальное, но неизбежное открытие, символизирующее прощание с детством. Миллисента понимала, что Джанферро прав, и радости жизни обыкновенного человека, которым может свободно гулять по улицам, остались за гранью того дня, когда она произнесла клятву супружеской верности. Из глаз девушки полились слезы.

– Какая же я глупая, – горько прошептала она.

Как ни странно, разочарование любимой тронуло мужа сильнее, чем ее рыдания. Он поднял Милли на ноги, обнял ее и крепко прижал к себе. Она неловко лънула к нему, как потерянный щенок, и это было такое новое и непривычное ощущение для Джанферро – утешать плачущую женщину, просто дарить ласку, не пытаясь при этом соблазнить. Он начал медленно гладить жену по волосам, чувствуя, как она постепенно успокаивается.

– Ты считаешь, что я недостаточно уделяю тебе внимания? – тихо произнес король.

– Понимаешь, Джанферро, большую часть дня ты работаешь, от тебя зависят многие важные решения, и я не хочу становиться обузой, отнимая твое драгоценное время.

– А что, если я оставлю специальное окно в своем расписании встреч, скажем, раз в неделю? И тогда у нас с тобой появится возможность вместе поужинать.

Даже в этом случае они не остались бы совершенно одни, – подумала Миллисента. Рядом постоянно будут снова слуги, а за дверью поджидать помощники с документами. Однако муж сделал серьезный шаг навстречу. Разве такой жест доброй воли не заслуживает поощрения?

– Прекрасная идея!

Джанферро озабоченно нахмурился. Он надеялся своим предложением слегка смягчить удар, который еще только собирался нанести.

– Но теперь ты понимаешь, что занятия итальянским придется прекратить? И ты не сможешь больше дружить с этим человеком.

Она кивнула, пытаясь скрыть свое огорчение, в том числе и тем, что супруг опять сделал все по-своему.

– Конечно, ты прав. Мне лишь требуется немного времени, чтобы привыкнуть к новому положению вещей.

Джанферро придвинулся плотнее.

– Разумеется, дорогая. Может, ты соскучилась по дому? Хочешь, я устрою тебе небольшую поездку в Англию?

Это вовсе не входило в планы Миллисенты, поскольку отъезд сейчас означал бы еще большее удаление от мужа. Гораздо сильнее, чем о встрече с родными, она мечтала о любви этого мужчины.

Никогда раньше молодые супруги не говорили столь откровенно, как сегодня, и их доверительная беседа наполнила душу Милли такой невероятной теплотой, что хотелось сохранить это чувство на всю жизнь. Она обвила шею мужа руками и заглянула ему в лицо.

– О, Джанферро, поцелуй меня, пожалуйста.

Нежные полуоткрытые губы были слишком сильным искушением, чтобы долго раздумывать. Джанферро прильнул к ним, обещая самому себе, что это будет лишь мимолетная ласка. Но красавица прижалась к нему всем своим разгоряченным телом, обжигая прерывистым дыханием.

Милли казалось, что ее тело готово расплавиться от жара страсти, жадным ротиком она ловила его ловкий язык, а сама все сильнее впивалась пальцами в мускулистые плечи мужа. Сжигавшее девушку пламя не позволяло ей мыслить логически, тем более вспоминать сейчас прежние обиды. Нанесенное оскорбление, глубокое и незаслуженное, полностью вытиснилось из сознания одним-единственным желанием.

– Войди в меня, – попросила она прерывающимся от волнения голосом.

Через полчаса у короля была назначена важная встреча, и предаваться теперь любовным утехам было бы чистейшим безумием. Но даже Джанферро был не в состоянии рассуждать логически в подобный момент.

– Ты уверена, что хочешь меня, и только меня?

– Да, да, ты сам это прекрасно знаешь!

В углу комнаты стоял шезлонг, которым обычно никто не пользовался. Но сейчас он как нельзя лучше подходил молодым людям, сгоравшим от страсти. Милли шла к креслу, стараясь двигаться как можно тише, чтобы не разрушить очарование момента. Она боялась, что любимый вспомнит о своих неотложных делах и снова станет прежним – отчужденным, привыкшим держать все под контролем.

Но теперь его лицо пылало, взгляд туманился, и он мягко подталкивал жену вперед, попутно срывая с нее кружевные трусики. Затем он скинул с себя одежду, и у Миллисенты захватило дух от вида его мускулистого тела. А еще больше – от сознания того, что они впервые занимаются любовью среди бела дня.

Они обошлись без любовной прелюдии и предварительной игры, да и ласк было немного. Стон, который готов был сорваться с губ жены, Джанферро заглушил долгим поцелуем и одним мощным движением проник внутрь ее разгоряченного тела.

Некоторое время потом они приходили в себя. Прерывистое дыхание мужа обжигало шею Милли, а в его глазах она заметила совершенно необычное выражение.

– Ну как, теперь ты чувствуешь себя лучше, Милли? – спросил Джанферро, осторожно отстраняясь от нее.

Этот вопрос мгновенно отрезвил ее, от недавней эйфории не осталось и следа! Однако Миллисента решила не показывать, насколько сильно она уязвлена. Ведь гораздо важнее сейчас было то, что ее королевский супруг позволил себе ненадолго забыть о собственном положении властителя государства, а значит, в собственной игре Милли одержала существенную победу.

– О, да, все было замечательно! – проворковала она.

– Тогда тебе стоит поскорее привести себя в порядок.

Король все еще был не в силах поверить, что кто-то сумеет – нет, лучше сказать, посмеет –

заставить его повести себя столь неподобающим образом. У него даже родилось подозрение, что юная супруга нарочно затеяла флирт с красавцем-итальянцем, чтобы пробудить в нем бешеную ревность и спровоцировать на поведение, более подходящее для озабоченного подростка, нежели для короля. Но, черт побери, как ей это удалось?!

Милли последовала приказу Джанферро и только после этого рискнула заговорить с мужем о том, что произошло между ними.

– Судя по всему, ты жалеешь о том, что мы сделали, – мягко начала Милли.

– Что было, то было, Милли. Теперь уже поздно сожалеть об этом, – отрезал Джанферро и попытался сгладить резкость последней фразы улыбкой. – Кстати, разве тебе не нужно собираться на прием?

Неожиданно Милли вспомнила детство, когда отец еще был жив. Время от времени он надолго уезжал, и тогда весь «Каюс-Холл» наполнялся особым ощущением нетерпеливого ожидания. Милли готова была сидеть на пороге дома, лишь бы не пропустить папу. Но когда он наконец возвращался, то говорил дочери, что уже слишком поздно и они повидаются завтра.

Память об обманутых надеждах сохранилась в душе Милли на всю жизнь. Отец так же отталкивал ее, как сейчас делает Джанферро.

Может, именно поэтому она влюбилась в него? Иными словами, сделала то, о чем постоянно твердят психологи – вышла замуж за мужчину, похожего на отца, потому что не представляла себе иного сценария отношений с противоположным полом.

Миллисента взглянула на супруга с холодной улыбкой:

– Ты прав. Мне нужно торопиться.

Однако такая жена – надменная и полная достоинства – Джанферро также не устраивала. Наблюдая, как она с гордым видом прошествовала к выходу, он неожиданно осознал, что удачный брак строится на взаимных компромиссах, а переломить себя не так-то просто.

– Милли? Я хочу напомнить тебе о нашем плане как-нибудь пообедать вместе. Давай договоримся о времени, и оно уже будет постоянным. Я скажу своему помощнику, а он обсудит детали с твоим секретарем.

Непосвященному человеку подобная речь показалась бы лепетом помешанного, но для Миллисенты она означала маленькую победу.

– Это звучит как полный бред, – заметила она с усмешкой. – Приятного дня, дорогой.

Джанферро склонился над бумагами и даже не поднял головы, когда дверь за женой закрылась. Скорее всего, он просто не услышал, как Милли вышла.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Незначительная, на первый взгляд, перемена в ежедневном графике имела огромное влияние на жизнь молодой пары.

Когда наступал особый день, Милли с самого утра начинала готовиться к свиданию. Похоже, с Джанферро происходило то же самое. словно тайные любовники, они отпускали всех слуг, и, когда король заходил в комнату и начинал расстегивать рубашку с лукавой улыбкой на лице, у Миллисенты захватывало дух от восторга. Сбывалась ее самая смелая мечта!

Любая другая пара сочла бы за счастье пообедать из золотой посуды, запивая изысканные блюда дорогими винами. А молодая королевская чета наслаждалась прямо противоположным – они ели руками самую обыкновенную пищу, развалившись на шелковых подушках при свете звезд на террасе.

– Как же это здорово! – мечтательно протянула Милли во время одной из таких встреч. – Настоящее блаженство, – добавила она с особым ударением, когда рука Джанферро коснулась ее груди.

Он медленно обвел кончиком пальца вокруг напряженного от возбуждения соска красавицы.

– Я знаю, как тебе это нравится, дорогая. Ты выражаешь свои мысли весьма убедительно.

– Почему бы тебе просто не сказать: я тоже в восторге?

– Но ведь это и так понятно.

– Понятно, и все-таки расскажи о своих чувствах вслух... О, что ты делаешь?

– Угадай с трех попыток, – с тихим рычанием предложил он, касаясь языком бархатистой

кожи любимой.

В такие редкие часы, когда они принадлежали сами себе, их жизнь становилась почти нормальной, и это представлялось высшей привилегией.

И еще одну вещь поняла Милли за время тайных свиданий с мужем. Возможно, она была не права, отказываясь от беременности. Наверное, у женщин так обычно и происходит – чем больше крепнут чувства к партнеру, тем сильнее хочешь от него ребенка. И перспектива завести малыша перестала теперь казаться Милли западной.

Джанферро коснулся губами волос любимой, слегка погладил ее грудь и задумчиво произнес голосом, полным скрытой надежды:

– Может быть, ты уже беременна? Представляешь, то, что мы сейчас сделали, станет началом новой жизни!

Подобные разговоры случались и во время их медового месяца, но теперь они больше не пугали Милли. И тон, которым муж произносил эти слова, значительно изменился. Вместо приказа в его голосе звучала просьба мужчины, страстно мечтающего о продолжении рода.

– Мне бы так хотелось быть сейчас беременной, – тихо произнесла Милли, понимая, что говорит чистую правду. Но боль от того, что она все это время делала втайне от мужа, пронзала ее сердце как острый нож.

Оставив Джанферро дремать на постели, Милли тихо поднялась и направилась через огромные комнаты в ванную. Там она решила не включать свет – лунные лучи мощным потоком проникали в помещение, отражаясь от многочисленных зеркал. В одном из них Милли вдруг увидела свое собственное обеспокоенное лицо.

Придется ей рассказать мужу о противозачаточных таблетках. Если бы она была невестой сейчас, то, не задумываясь, сообщила бы жениху о своих средствах предохранения. Но несколько месяцев назад Милли была слишком напугана предстоящей ответственной ролью, чтобы заводить подобный разговор. Да и Джанферро был иным – более властным, непреклонным, привыкшим полагаться лишь на собственное суждение.

Милли раскрыла косметичку и извлекла упаковку таблеток в блестящей фольге. Глядя на маленькие шарики, Милли повторила себе еще раз, что должна обо всем рассказать любимому. И все же что-то останавливало ее, помимо стыда за свой поступок. Разве муж не почувствует себя оскорбленным оттого, что столь ответственное решение приняли без него? И не будет ли это огромным ударом по их еще только начинавшим крепнуть отношениям?

Снова взглянув на себя в зеркало, Милли отметила, что ее лицо выглядит теперь старше и серьезнее, чем тогда, когда она была невестой. И у этой повзрослевшей женщины был выбор – либо все рассказать мужу, либо просто перестать принимать таблетки.

И вдруг Миллисента с ужасом заметила второе отражение в зеркале. Стоя на пороге, Джанферро щелкнул выключателем. В ярком свете флуоресцентных ламп ванная напоминала сцену.

– Что ты здесь делаешь, Милли?

– Мне просто... понадобилось кое-что взять из косметички.

– И какого рода это «кое-что»?

Холодея от ужаса, Миллисента вдруг поняла, что муж давно обо всем догадался.

– М-мои таблетки, – запинаясь, произнесла Милли и с ужасом отшатнулась – взгляд мужа стал совершенно каменным. – Ты что, все видел?

– Разумеется, – прозвучал ледяной ответ.

– Понимаешь, – заторопилась она, – я как раз собиралась принести таблетки в спальню, показать тебе, а потом выкинуть!

– Поразительное совпадение! – саркастически протянул муж.

Милли заметила лишенный всякого сочувствия взгляд Джанферро, и у нее все оборвалось внутри.

– Джанферро, я понимаю, как это выглядит со стороны...

– Ну все, довольно, Милли. – Джанферро судорожно вздохнул, чувствуя невыносимую, обжигающую боль внутри. Никогда раньше ему не наносили столь серьезного оскорбления. – У меня давно уже были предположения, так что, пожалуйста, не отягощай свою вину фальшивыми извинениями.

Миллисента уставилась на супруга в недоумении.

– Предположения? Ты хочешь сказать, что подозревал меня?

– Разумеется, подозревал, ты что, за дурака меня держишь? – раздраженно бросил он, глядя на жену с ледяным презрением.

Все это время Джанферро скрывал свои догадки, понимая, что они могли оказаться беспочвенными. Но теперь ему хотелось заставить изменницу испытать такую же боль, которая сжигала его изнутри. Бешеная ярость оскорбленного достоинства рвалась наружу, а мысль о том, что он сам позволил себя обмануть, только подхлестывала раздражение.

Сейчас король упрекал себя за то, что столько времени отмахивался от всех сомнений, предпочитая верить в чистоту и непорочность юной жены. За то, что подпустил ее на такое близкое расстояние. Как он мог забыть, что невинность невесты не спасает от супружеских измен! Неудивительно, что Миллисента так легко пала жертвой обаяния учителя-итальянца, ведь это была не первая ее ложь!

– Но как, ради всего святого, ты мог узнать об этом? – в недоумении пробормотала Милли.

– Перестань! Женщина, которая хочет подарить мужу ребенка, каждый месяц испытывает разочарование, если не удастся забеременеть. У тебя я такой реакции не заметил. Напротив, ты каждый раз отвечала на мой вопрос, не задумываясь, ведь у тебя не было поводов для сомнений! Ты же была уверена в собственной безопасности!

– Пожалуйста, позволь мне объяснить!

– Что ты собираешься объяснять? Как обманывала меня? Какие бы оправдания ты сейчас ни придумывала для своего поступка, от правды никуда не денешься.

Но Миллисента все равно продолжала судорожно искать ниточку, за которую можно было бы уцепиться.

– Понимаешь, мне иногда казалось, что мы слишком торопимся с ребенком. Вспомни, Джанферро, ты еще во время медового месяца спрашивал, не беременна ли я!

– Представляю, как веселил тебя этот вопрос. Ты ведь уже тогда принимала свои таблетки?

– Да. Но я совсем не смеялась – наоборот, мне было страшно. Я не знала, что мне делать, ведь доктор в Англии еще до свадьбы прописал противозачаточные пилюли.

– А тебе не приходило в голову посоветоваться вначале со мной?

– Как я могла, ты же все решил заранее! Ты женился на мне, потому что я соответствовала ряду критериев, главным из которых была моя девственность. Как бы я посмела обсуждать с тобой вопросы предохранения до свадьбы? Да если бы я даже решилась на такое, то не смогла бы поговорить с тобой, ведь мы никогда не оставались наедине!

– А что же после, Милли? А? Когда мы уже стали... близки?

Бедняжка не решилась объяснять, что реально близки они стали только совсем недавно.

– Ты так пугал меня своими авторитарными замашками, требуя ребенка немедленно. Я боялась тебе даже слово поперек сказать.

– А, все это бессмысленно, – нетерпеливо прервал Джанферро. – Мы можем бесконечно ходить кругами. Прошу прощения, Миллисента, но меня ждут срочные дела.

– Ты что, так ничего и не понял? – недоуменно спросила она.

Джанферро встряхнул волосами и с надменным высокомерием приподнял бровь.

– На все начинаешь смотреть иначе, когда узнаешь, что жена тебе лжет. Скажи, Милли, не ужели ты считала меня тираном, который будет настаивать на твоей беременности, если сама мысль об этом вызывала у тебя такое отвращение?

– Н-нет, но мне казалось, ты не сможешь понять мои страхи.

– Или твои постоянные обманы? – Он покачал головой и открыл дверь. – В таком случае, дорогая, ты сильно сглупила.

Мысли мешались в голове Миллисенты, действительность стала похожа на страшный сон. Она подняла глаза на мужа: его испепеляющий взгляд ясно давал понять, что он все равно бы ей не поверил.

– Что ты намерен делать? – спросила Милли убитым тоном.

– Я уйду.

– А когда вернешься?

– Понятия не имею, – резко бросил Джанферро. – И даже если бы знал, тебя это больше не касается.

– Пожалуйста, не делай этого, не вычеркивай меня из своей жизни.

Муж обернулся к ней с высокомерным удивлением.

– И ты еще смеешь просить меня об этом? Неожиданно ей представились осенние листья, которые уносит быстрым речным течением неизвестно куда. Их семейная жизнь напоминала теперь те листья, и они оба не могли – или не хотели – изменить ситуацию.

– Ты как-то предложил, чтобы я съездила в Англию на время, – напомнила Миллисента.

– Что, соскучилась по дому? – язвительно бросил супруг.

Это окончательно выбило почву у нее из-под ног.

– Да, немного, – тихо ответила она, пытаясь сохранить лицо и не завершать разговор бурным скандалом, который всю жизнь будет омрачать память об их разрыве. – Можно мне поехать?

Милли молилась про себя, чтобы он сменил гнев на милость или даже попытался отговорить ее.

Джанферро пристально смотрел на жену. Внешне она была все той же трогательной девочкой – длинные белокурые волосы, прекрасные синие глаза и мягкая атласная кожа. Но зато внутренне перед ним была совершенно взрослая женщина, уверенная в себе, в собственной сексуальной привлекательности, и именно он научил ее этому. Милли превратилась в первоклассную любовницу и до недавнего времени казалась ему идеальной женой.

Сможет ли он вновь поверить ей? Ведь проблема была не только в нежелании иметь детей. Похоже, сам образ жизни во дворце не устраивал Миллисенту, просто она не знала об этом до брака. В таком случае рождение ребенка лишь еще больше осложнило бы ситуацию.

Осознание тяжести проблемы отозвалось темной, гнетущей болью в душе мужчины, которая сменилась такой знакомой пустотой одиночества.

– Я попрошу Алессо организовать рейс как можно быстрее, – произнес король.

Гнев уступил место усталости, поэтому голос его звучал слабо и безжизненно. Последнее, что увидела Миллисента, были поникшие плечи мужа, когда он молча покинул комнату.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Милли смотрела на знакомый зеленый пейзаж за окном, омытый дождем. Изображение расплывалось от слез, что застилали ей глаза.

– Здесь все по-прежнему, – произнесла она надломленным голосом. – Ничего не изменилось.

– Зато ты изменилась так, что и не узнать, – ответила Лулу, стоявшая сзади.

– В самом деле? – Миллисента была так удивлена, что даже на мгновение забыла свою гнетущую боль, которая не покидала ее с момента приезда в родной дом. – Но мое лицо, волосы – все прежнее. Правда, платье стало дороже, и я немного сбросила вес.

– Возможно, замужество и статус королевы изменили тебя сильнее, чем ты думаешь. О, Милли, не надо! Не начинай снова плакать.

Но сдержать слезы было уже невозможно. Милли слишком долго скрывала свои чувства, чтобы слуги ничего не заподозрили, но здесь, в знакомой обстановке, дала волю своему горю.

– Я не понимаю, в чем проблема, – продолжала Лулу, с недоумением глядя на сестру. – Да, ты не сказала ему, что принимаешь таблетки, так что из этого?

Милли закусила губу. Она надеялась, что, приехав домой, сможет взглянуть на ситуацию со стороны. Но оказалось, что на расстоянии стала только еще больше видна серьезность ее проступка. И дело было не только в пилюлях – она лишилась драгоценного доверия, которым ее муж жаловал лишь избранных.

– Я не знаю, что делать! – прошептала Милли убитым голосом.

– Для начала перестань плакать! Успокойся, сделай глубокий вдох. Это еще не конец света.

– А вдруг это конец моего брака?

Лулу прищурилась.

– Тебя это так сильно волнует?

– Конечно, а как же!

– Привыкла к титулу королевы?

– Да нет же, какая ты глупая, ведь я люблю его!

Старшая сестра минуту молчала.

- Ну и слава богу. Я просто хотела проверить. Теперь ясно, что тебе есть за что бороться.
- Но вдруг Джанферро не хочет, чтобы за него боролись?
- А ты уж и руки сложила! Что произошло с прежней Милли, которая никогда не сдается?

Вспомни, сколько раз ты падала с лошади – и снова садилась в седло.

Миллисента понимала, что сестра права. Пусть даже муж решил, что они теперь чужие, шанс на примирение еще остается, и его нельзя упускать.

- Я вернусь на Мардивино и попробую все уладить. Ведь он вряд ли приедет сюда ко мне.
- Еще бы! Королям не положено сваливаться как снег на голову!

Если бы он захотел, то мог сделать даже это, подумала Милли. Она почувствовала, как сердце сжалось, словно в ледяных тисках. Нужно срочно выяснить, что ожидает ее – ведь от неизвестности становится только хуже.

За ту неделю, что юная королева провела в Англии, муж ни разу не позвонил и не написал ни строчки. Миллисента раздражалась по любому поводу. В таком состоянии лететь обратно спецрейсом мардивинской авиакомпания, видеть вокруг себя вездесущих папарацци было невыносимо. Хотелось спрятаться ото всех, и от газетчиков в первую очередь. К тому же нужно тщательно продумать гардероб, ведь даже платье свободного покроя на ней могло стать основанием для сплетни, будто она беременна.

Милли позвонила во дворец, но ни муж, ни Алессо не ответили. Последнего удалось застать только на мобильном.

- А где Джанферро? – осторожно поинтересовалась девушка.
- Он открывает новую больницу.
- Понятно... Я хотела бы вернуться домой. – Она поймала себя на том, что уже не называет Англию своим домом – раньше такое открытие стало бы еще одним плюсом семейной жизни, но сейчас оно отдавало горечью поражения. – Вы можете организовать для меня спецрейс, Алессо?

- Конечно, Ваше Величество.
- Да, и еще. Передайте королю, что я звонила и завтра вечером буду дома.
- Разумеется, Ваше Величество.

Пока горничная укладывала ее вещи, обе сестры отправились в конюшню посмотреть на новорожденного жеребенка.

- Ты скучаешь по Англии? – неожиданно спросила Лулу на обратном пути.

Поля посвежели после дождя, солнце вышло из-за облаков и ярко светило, отражаясь в каждой капле на траве. Милли закрыла глаза и глубоко вдохнула влажный воздух, пытаясь мысленно вернуться в детство и одновременно чувствуя, как все изменилось, включая ее саму.

- Иногда, – ответила она.
- И по нашей английской погоде? – лукаво подмигнула сестра.
- Только не по ней.
- Тогда по чему же?

– Мне не хватает свободы. Да, свободы сделать что-то, не заглянув предварительно в ежедневник. Возможности гулять одной и знать, что за тобой не следует по пятам телохранитель в пуленепробиваемом жилете. Но королевская жизнь сложна, и я знала, на что иду, когда давала согласие Джанферро.

Частный самолет приземлился в аэропорту Соладжоя на следующий день. Милли выглядывала из окна, надеясь, что Джанферро придет встречать. Но ни его, ни даже Алессо не было видно, лишь пара министров приветствовала прибывшую королеву. Конечно, она не ожидала пышной церемонии, но рассчитывала хотя бы на небольшой знак внимания. Неужели ей хотят дать почувствовать перемену положения?

Всю обратную дорогу тревога лишь нарастала, и приезд во дворец не принес радостных новостей. Короля не было на месте, и он даже не оставил записки.

Милли сбросила туфли и оглядела свои пустые комнаты. На столах нет цветов, жалюзи опущены, словно здесь больше никто не живет. Подняв их, Милли впустила в спальню солнечный свет.

- Известно ли, когда король вернется, Флавия? – спросила она горничную.
- Нет, Ваше Величество.

Звонок на мобильный также мало что дал. Трубку, как обычно, снял Алессо.

– Хорошо долетели, Ваше Величество? – спросил он.

– Да, спасибо, – торопливо ответила Миллисента. – Где вы находитесь?

– В Солорока – сегодня, как вы помните, годовщина открытия галереи Хуана Лопеса.

– Джанферро с вами?

– К сожалению, нет. Он повез на морскую прогулку испанскую делегацию.

– А во сколько ожидается его возвращение? – спросила Милли, нахмурившись.

Последовала короткая пауза.

– После должен быть прием, который вряд ли окончится до полуночи. Король велел передать, что может вернуться поздно и вам не стоит его ждать.

Она хотела задать еще множество вопросов, но не рискнула. Алессо было известно не хуже, чем самой королеве, что Джанферро может покинуть любой прием в то время, когда сам пожелает. И если после недельного отсутствия жены он не стремится поскорее увидеть ее, на то должны быть свои причины.

Значит, король давал понять своей юной супруге, что их короткий брак распался. Но она не собиралась покорно принимать удар судьбы.

Милли взглянула на себя в зеркало. Хмурое выражение лица сменилось яростной решимостью, которая отражалась и в блеске глаз, и в вызывающе вздернутом подбородке. Она знала ахиллесову пяту мужа – его непоколебимое чувство долга. Что бы он ни испытывал к своей супруге, официально брак не будет расторгнут. Милли как раз это и было нужно, но не только ради соблюдения приличий. Любовь к мужу пылала в ее сердце с новой силой, и нельзя было позволить одной глупой ошибке разрушить их счастье.

Приняв пенную ванну, Милли вытерлась и смазала тело ароматным лосьоном. Затем выбрала самое красивое белье, а сверху надела лимонно-желтое шелковое платье простого фасона и подобрала волосы французским узлом.

Теперь предстояло самое сложное – уговорить телохранителя позволить ей ехать одной и никому не сообщать об этом.

– Вы можете следовать за мной, – пояснила Миллисента, видя обеспокоенность охранника. – Просто мне хочется сделать сюрприз мужу!

Очаровательная улыбка в сочетании с приказом королевы быстро решили дело. В другое время Милли была бы счастлива от осознания собственной свободы за рулем маленького автомобиля, который взбирался по горному серпантину в пригороде столицы. Но сейчас страх сковывал сердце, от волнения пересохли губы, но она продолжала вести машину вверх по склону, следуя дорожным указателям. Джанферро рассказывал, что когда-то к Солорока вела узкая тропинка, но после открытия музея знаменитого художника эту тихую деревушку заполнили туристы со всего света.

У въезда в Солорока Милли позвонила Алессо.

– Я всего в паре сотен метров от вас. Можно сделать так, чтобы я попала на прием, но Джанферро не знал об этом?

Последовала пауза.

– Будет сделано, Ваше Величество.

Конечно, большинство присутствующих узнали бы королеву, но кто-то мог принять ее за незваную гостью, что вызовет суматоху и испортит сюрприз. А Миллисенте важна была первая, инстинктивная реакция мужа на ее появление. Даже мимолетная радость во взгляде означала бы, что не все потеряно.

При ее появлении все охранники кланялись – должно быть, Алессо предупредил их.

Миллисента обвела взглядом зал с высоким куполом и белыми стенами, увешанными яркими полотнами мастера, и вдруг увидела Джанферро. В элегантном темном костюме он выглядел очень официальным... и чужим. Все собравшиеся внимательно слушали короля, и даже если бы он неудачно пошутил, подумала Милли, в ответ раздался бы грохот смеха.

Настал решающий момент. Миллисента велела себе не заходить слишком далеко, попытка примирения не должна означать потерю собственного достоинства, иначе ей никогда уже не вернуть уважения мужа. Разлад в королевской семье можно было устранить лишь путем взаимного компромисса.

Посол Испании хвалил Джанферро за то, как трепетно в Мардивино относятся к искусству. Неожиданно шепоток пролетел по залу, и многие обернулись в сторону двери. Король недоволь-

но нахмурился, недоумевая, кто мог отвлечь внимание от его особы. И тут он заметил свою юную супругу.

Ее глаза сияли, на плотно сжатых губах готова была заиграть улыбка радости от встречи с ним.

Гости вновь повернулись к Джанферро, пытаясь угадать его реакцию на внезапное появление Миллисенты. Ведь королевским особам не пристало сваливаться как снег на голову.

Милли приблизилась к мужу и тихо произнесла:

– Ваше Величество.

На ее щеках играл румянец, а опущенные веки скрывали сияние глаз цвета сапфира. И, впервые в жизни нарушив протокол, король наклонился к самому уху жены и прошептал:

– Что ты себе позволяешь?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

При виде холодного взгляда Джанферро у Милли закружилась голова. Сердце билось так сильно, что, казалось, это слышат все вокруг. Невероятным усилием воли ей удалось сохранить улыбку на губах.

– Ты не рад видеть меня, Джанферро?

– Удивлен, – пробормотал он, дежурно улыбаясь и беря ее под руку.

Его красавице жене, грациозно вплывшей в зал, удалось то, что не получалось больше ни у кого – заставить короля врасплох. Джанферро чувствовал себя Самсоном, доверившимся прекрасной женщине и потерявшим свою силу. Разве не обещал он себе тысячу раз, что никогда больше не поддастся на ее хитрые уловки.

– Мы поговорим наедине, дорогая, – сообщил он. – Но сначала мне нужно попрощаться.

Несмотря на мягкость тона, Милли поняла, что это приказ, а недобрый блеск в глазах мужа заставил ее насторожиться.

– Что я должна делать?

В ту же секунду рядом возник Алессо. Король что-то быстро и с негодованием проговорил ему по-итальянски, после чего повернулся к жене.

– Поезжай с Алессо и жди меня, – велел он Миллисенте, без труда перейдя на английский, и пояснил ледяным тоном: – Если соблюдать все формальности протокола, ситуация еще больше осложнится. По крайней мере, теперь испанский посол точно будет знать, что в нашей семье кризис.

Неужели все так плохо? – спрашивала себя Милли, выходя вслед за королевским помощником из зала и улыбаясь людям, которые кланялись ей. Похоже, к тому моменту, когда они с Джанферро останутся наедине, придворные юристы уже подготовят официальные бумаги на развод.

В коридоре она заметила печальное выражение лица Алессо.

– Я втянула вас в неприятности?

– Король не доволен.

Милли закусил губу.

– Я очень сожалею, Алессо.

Тот покачал головой.

– Ничего. Просто мне больно видеть короля таким расстроенным. Он не может управлять страной, имея столько собственных проблем.

– Как он жил без меня? – осторожно спросила Милли.

– Ему было тоскливо.

– Есть ли какое-то неприметное место, куда можно поехать?

– Да, все уже устроено. У супругов Качьяторе есть дом на побережье. Король отвезет вас туда. Там никого нет, и...

Но в эту минуту сам Джанферро вышел в сопровождении дипломатов и слуг. В его взгляде на Милли промелькнуло едва уловимое раздражение, которое лишь усиливала внезапная волна возбуждения, прошедшая по телу. Нет, все-таки без женщин жизнь гораздо проще, с досадой подумал король.

– Пойдем, – строго произнес он.

Забираясь на заднее сиденье большой машины без королевского герба, Миллисента подумала, что вечер вряд ли сулит романтическое примирение. Однако близость мужа, его длинные сильные ноги, мускулистое тело вызывали в ней непреодолимое влечение.

А король всеми силами боролся с желанием прижать к себе соблазнительную красавицу, сидевшую рядом. Но его сдерживали два обстоятельства: присутствие шофера и мысль о том, что, возможно, сегодняшняя эскапада была вызвана стремлением продемонстрировать собственную независимость перед окончательным разрывом.

Если так, нет ли в этом и моей вины? – думал Джанферро.

Всю дорогу они ехали молча, и, когда машина приблизилась к дому, Милли замерла в тревожном ожидании. Открылись ворота, и сигнальные огни ярко осветили автомобиль. Затем муж долго говорил о чем-то с начальником своей охраны. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем они остались с Милли наедине.

Комната имела весьма торжественный вид и казалась необжитой, хотя и была обставлена красивой мебелью.

Джанферро тихо прикрыл дверь и пристально посмотрел на жену, словно видел ее впервые. При этом его лицо сохраняло напряженное выражение.

– Итак, Милли, – холодно начал он, – есть какое-то объяснение твоей сегодняшней оригинальной выходке?

Его слова больно ранили Миллисенту. Глядя возлюбленному в глаза, она, запинаясь, ответила:

– Я просто хотела тебя видеть.

– Увидела, и что теперь?

– Неужели ты не можешь сделать хоть шаг мне навстречу?

На лице мужа появилась дежурная улыбка, какой он обычно отгораживался от окружающих на каком-нибудь официальном мероприятии.

– То есть?

Миллисенте хотелось броситься на него, забарабанить кулаками в грудь, крикнуть, что он не может вечно прятаться за этой ледяной маской.

– Я сожалею о том, что сделала, любимый, – произнесла Милли, прямо глядя на мужа и чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. – Конечно, я не имею права спрашивать, но неужели ты никогда не сможешь простить меня?

Эти слова и выражение подлинного горя на ее лице подействовали на Джанферро сильнее, чем он предполагал. Но он скрепил сердце и безразличным тоном ответил:

– Не знаю.

Миллисенте показалось, что ее ударили. Было физически трудно устоять на ногах, но она уверила себя, что такие серьезные разногласия не разрешить простыми извинениями. И вдруг ужасная мысль поразила как молнией: что, если Джанферро вообще не собирается ничего исправлять?

– И ты не хочешь спасти наш брак? – спросила она дрожащим голосом.

Губы Джанферро скривились в сардонической ухмылке. Это была его фирменная улыбка в далекие холостяцкие годы – однако в те времена расставание с женщиной не приносило такой ноющей боли в сердце.

– А ты считаешь, нам есть что спасать, Милли?

Необходимо действовать решительно, подумала Милли. Глупо ожидать от мужа слов любви. Даже если он и любил ее на самом деле – а в этом Миллисента сейчас сильно сомневалась, – то не мог открыть свои чувства, просто не умел: Короли ведь не читают журналы для женщин, где подробно описаны любовные речи на любой вкус. Единственное, чем Милли руководствовалась в тот момент, было желание любой ценой сохранить хрупкие отношения с самым лучшим мужчиной на свете.

– Нам есть что спасать, потому что для меня клятва верности перед алтарем в церкви не была пустой формальностью. И я считаю своим долгом перед тобой лично и перед страной стать опорой для короля Мардивино, особенно в трудную минуту. – Милли подняла на мужа глаза, полные слез, и твердым голосом добавила: – Но самая важная причина состоит в том, что я люблю тебя, Джанферро, пусть даже мне не удалось показать силу своих чувств на деле. Я всегда любила тебя, но никогда не решалась сказать.

Джанферро замер, боясь поверить своим ушам. Эти слова дарили надежду на счастье, как огонек маяка для потерянного в ночи корабля. Как тепло домашнего очага после скитаний по снежному полю. Или зеленый оазис для усталого странника в пустыне. Но тяжкий путь в одиночестве был слишком долгим, чтобы так сразу поверить прекрасному видению. И Джанферро попытался уверить себя, что сможет прожить без прекрасной как ангел женщины с печальными глазами цвета сапфира.

Сердце короля учащенно забилося, словно перед началом решительного сражения. Но, взглянув на жену, он понял, что не хочет бороться. Любуясь белокурой красавицей с точеной фигуркой, он вспомнил бесстрашную наездницу, которая так поразила его когда-то своей смелостью, граничащей с безрассудством.

– Ты быстро утетишься, если мы расстанемся, – отрезал Джанферро. – Найдешь себе другого мужчину.

– Никто не сравнится с тобой. Ты сам мне это сказал в тот день, когда делал предложение.

Джанферро задумался. «Неужели даже в такой день я прибегнул к этой надменной бравате? – спрашивал он себя. – Я хотел заполучить ее любой ценой и не оставил бедняжке выбора. А потом привез ее сюда, молодую и неопытную девочку, и велел, именно велел, немедленно родить мне ребенка. Но ведь это тирания!»

Лицо его исказилось от боли. Впервые он ясно представил, куда могли завести его гордость и высокомерие. Еще немного, и он остался бы один, потерял бы свою любимую, которая стала нужна ему как воздух. В отсутствие Миллисенты жизнь казалась однообразной и бесцветной.

– О, Милли! – воскликнул Джанферро надломленным голосом.

Она подняла голову, в ее глазах стояли слезы.

– Если ты действительно хочешь расстаться, просто скажи, и я подчинюсь твоей воле. Что бы ни случилось, я всегда буду любить тебя.

Словно плотина прорвалась в душе Джанферро, наполнив сердце острой и в то же время сладкой болью. Он заключил Милли в объятия и взглянул ей в лицо, не зная, с чего начать. Как объяснить, что сожалеешь об ошибке, если никогда в жизни не говорил подобных слов?

– Это я должен молить о прощении, – произнес он наконец. – Я жил с устаревшими представлениями и отказывался признавать равноправие в браке. Думал, что заставлю тебя подчиниться моей воле просто по праву собственника, и забывал, что ты мой партнер, моя жена, дорогая Милли.

– О, Джанферро!

– Я был настоящим тираном!

– Ну, не всегда.

Король улыбнулся.

– Время от времени?

– О, да. Однако у меня тоже есть недостатки, и ошибок было немало. Что же нам теперь делать?

– Мы начнем все сначала. С этого дня будем двигаться только вперед. Ведь другого выхода нет, милая?

Милли показалось, что сердце готово выпрыгнуть из груди от радости. Страшные картины того, что могло произойти, постепенно улетучивались. Она пообещала сама себе, что никогда больше не будет скрывать от любимого свои проблемы и сомнения. С этого дня отношения с Джанферро будут прозрачными, как роса. Остается только прояснить главный вопрос.

– Ты хочешь сказать, что наш брак остается в силе? – робко спросила Миллисента.

Вместо ответа король рассмеялся. Его взгляд был полон любви и нежности.

– Разумеется, дорогая. Как же иначе?

– Тогда поцелуй меня.

– Вот так?

– Еще сильнее.

Джанферро поднял Милли на руки и отнес в спальню. Там, на чужой кровати, даже не снимая покрывала, они предались любви с таким жаром, как никогда еще не бывало. Впервые в жизни они были абсолютно свободны в выражении своих чувств. Стоны наслаждения слились воедино и прерывались лишь страстными поцелуями.

Когда же волна сладостных содроганий прошла, Милли нежно провела кончиками пальцев

по смуглому лицу мужа, собираясь с силами для серьезного разговора.

– Я хочу выбросить свои противозачаточные таблетки...

– Нет, – прервал Джанферро, качая головой. – Именно этого ты не должна делать, дорогая.

Миллисента удивленно посмотрела на него.

– Но ведь ты хотел наследника...

– Это правда. Но тебе всего двадцать, Милли, и нам необходимо время, чтобы узнать друг друга получше, научиться любить.

Еще пару часов назад его последние слова больно задели бы юную королеву, но сейчас она была уже другой. И знала, что счастье в браке зависит от многих вещей, а жизнь не всегда похожа на волшебную сказку.

Это как в скачках – можно любить лошадей до самозабвения, но нельзя научиться верховой езде, не вылетев пару раз из седла.

– Ты родишь ребенка, когда придет время, – добавил муж, касаясь ее губ. – А пока, как там будет по-английски? Мы немного развлечемся.

ЭПИЛОГ

Миллисента усвоила на горьком опыте, что дети не появляются по приказу, как клубника в меню королевского завтрака. Прошел еще год, прежде чем они с Джанферро торжественно выбросили злополучные пилюли, из-за которых было пролито немало слез.

За этот год молодые люди поняли, что значит быть мужем и женой. И что значит любить. Однако драгоценное знание далось им легче, чем предполагал Джанферро. Отказавшись раз и навсегда от внутренних ограничений, он погрузился в океан новых чувств и впечатлений с восторгом новообращенного.

Милли продолжила заниматься изучением языков, но уже во дворце. Кроме того, они говорили с мужем по-французски и по-испански, а с Алессо – по-итальянски. Помогало и то, что ее юные племянники владели всеми языками, принятыми в Мардивино.

Королеве удалось подружиться со своими золовками и заставить их забыть о социальном различии. Молодые женщины с радостью включили высокопоставленную подругу в свой семейный круг. Следом за женой и король смог лучше узнать своих родных братьев. Их отношения стали такими же теплыми и открытыми, как в детстве.

Все было хорошо, за исключением самого главного – беременность никак не наступала. Несколько месяцев прошли в тревожном ожидании, и Милли уже начала отчаиваться. Она не рисковала заговаривать на эту тему ни с кем из близких, чтобы не предавать проблему огласке, и боялась обращаться к придворному лекарю – а вдруг тот подтвердит самые страшные опасения?

– Почему ты нахмурилась, дорогая? – спросил как-то вечером Джанферро, когда они одевались к ужину.

Милли давно уже пообещала себе, что не будет уходить от ответственности и всегда будет смотреть правде в глаза, но заговорить о своих подозрениях было слишком тяжело.

– Я до сих пор не беременна, – с болью ответила она.

– Я так и понял.

Миллисента с удивлением увидела лукавый блеск в глазах мужа.

– Послушай, Джанферро, что, если я...

– ...не сможешь иметь ребенка?

– Да! – Она выронила расческу из дрожащих рук. – Тогда тебе придется развестись со мной.

– Милли, прекрати, – мягко попросил он.

– Но ведь это так!

– Сколько времени прошло?

– Почти четыре месяца! – простонала она, в бешенстве от беспечности супруга, который едва сдерживал улыбку.

– Ну-ка, давай посмотрим, что там написано в твоей книге? Не стоит волноваться, если беременность не наступает в течение как минимум года. А лучше не беспокоиться вообще и принимать ситуацию так, как есть, – добавил он уже более серьезно.

Миллисента всхлипнула. Она и не догадывалась, что муж обратил внимание на сугубо на-

учное издание на ее столике.

– Но почему тебя-то это не беспокоит?

– Потому что нам хорошо вместе, – просто ответил он.

– Ты действительно так считаешь? – тихо спросила Милли.

– Конечно, дорогая! А сейчас давай посмотрим на проекты новой статуи.

Миллисента подошла к мужу, положила голову ему на плечо и взглянула на рисунки, разложенные на столе.

– О, Джанферро, – восторженно выдохнула девушка, – они все очень красивые!

– Ты так думаешь? – переспросил он с довольной улыбкой.

Король вместе с двумя братьями решили, что давно пора установить памятник их матери. Они дали заказ одному из самых престижных мардивинских скульпторов, которому эта работа должна была принести не только славу, но и хорошие деньги. Статую планировали возвести на живописной окраине столицы, на фоне великолепных ландшафтных садов, небольшого озера и фонтана с хрустально чистой водой. Место идеально подходило для семейных пикников, детям здесь было где поиграть, а влюбленные устраивали свидания среди реликтовых деревьев и кустарников.

Полгода спустя, прекрасным весенним днем, состоялось торжественное открытие памятника. Солнце ярко светило. Милли и ее золовки, не скрывая гордости и нежности, наблюдали, как их мужа почтительно склонились перед мраморной статуей своей матери. Принц Николо, принц Гвидо и Его Величество король Джанферро.

После церемонии трое мужчин направились к площадке, где сидели их жены. В это время Элла с тревогой наклонилась к королеве и взяла ее за руку.

– С тобой все в порядке, Милли? Ты сегодня ужасно бледная.

– Ничего, просто немного не по себе, – ответила Миллисента, чувствуя новый приступ тошноты. Она досадовала, что недомогание помешало получить удовольствие от торжества.

Внезапно что-то заслонило солнце. Подняв голову, Милли с облегчением увидела подошедшего мужа, с участием и любовью смотревшего на нее.

– Ты не заболела, дорогая?

Но в ее глазах он прочитал гораздо более приятный ответ. Лицо Джанферро озарилось гордостью. Милли лукаво приподняла бровь.

– Не волнуйся, Элла. С королевой все в порядке, – успокоил невестку король. Затем нежно коснулся руки красавицы жены, улыбнулся и тихо спросил: – Ты сама им скажешь, любимая, или мне это сделать?

Файл: Шэрон Кендрик - Королевская любовь
Каталог: I:\HARLEQUIN
Шаблон: C:\Documents and Settings\Admin\Application
Data\Microsoft\Шаблоны\Normal.dot
Заголовок: Королевская любовь
Содержание:
Автор: Шэрон Кендрик
Ключевые слова:
Заметки:
Дата создания: 13.06.2011 18:35:00
Число сохранений: 2
Дата сохранения: 13.06.2011 18:35:00
Сохранил: FSV
Полное время правки: 0 мин.
Дата печати: 09.09.2011 0:57:00
При последней печати
    страниц: 50
    слов: 26 080 (прибл.)
    знаков: 148 659 (прибл.)